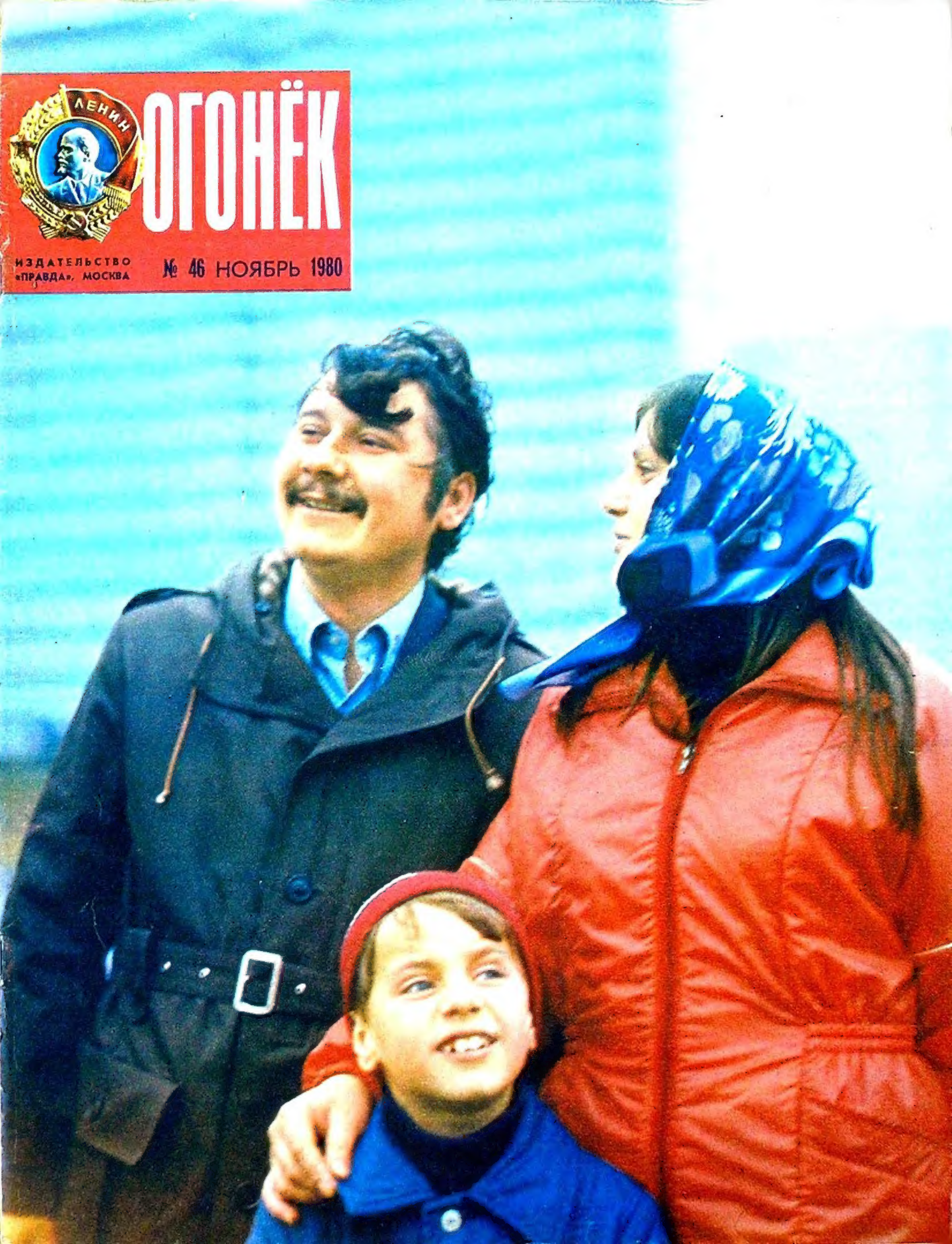

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 46 НОЯБРЬ 1980

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ,

ЛЕН

63

ОКТЯБРЬ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 46 (2783)

15 НОЯБРЯ 1980

7 НОЯБРЯ 1980 ГОДА

Фоторепортаж
с Красной площади вели
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,
А. ГОСТЕВ,
И. ГАВРИЛОВ.

ЛЕНИНГРАД

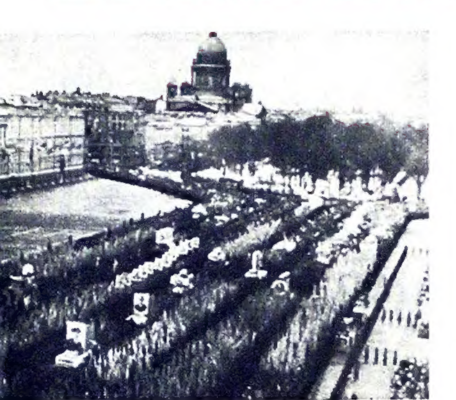

Нет для нас праздника дороже, чем праздник Великого Октября, ибо это день рождения нашей социалистической Родины — Страны Советов.

По всему Советскому Союзу 7 ноября прошли в кумаче знамен демонстрации трудящихся: в столице нашей Родины Москве, в колыбели революции — Ленинграде, в столицах союзных республик, в городах, в селах и аулах. И всюду торжественные, радостные манифестации советских людей продемонстрировали непоколебимое единство партии и народа, беспредельную преданность идеалам коммунизма.

КИЕВ

ТАШКЕНТ

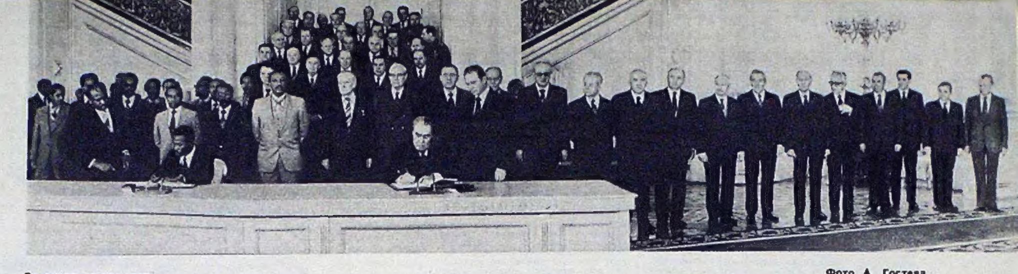

ТБИЛИСИ

6 ноября 1980 года, Москва, Кремлевский Дворец съездов. Торжественное заседание, посвященное 63-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Фото А. Гостева

Во время подписания. Фото А. Гостева

ПОДПИСАНИЕ СОВМЕСТНОГО СОВЕТСКО-ЭФИОПСКОГО ЗАЯВЛЕНИЯ

10 ноября в Большом Кремлевском дворце подписано совместное советско-эфиопское заявление.

Документ подписали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и Председатель Временного военного административного совета (ВВАС) Социалистической Эфиопии, Председатель Комиссии по организации партии трудящихся Эфиопии (КОПТЭ) Менгисту Хайле Мариам.

На церемонии подписания заявления присутствовали:

с советской стороны — товарищи Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, заместители Председателя Совета Министров СССР, министры СССР, председатели государственных комитетов СССР, другие официальные лица;

с эфиопской стороны — член ПК ВВАС и исполкома КОПТЭ, министр национальной обороны бригадный генерал Тесфайе Гебре Кидан, член ПК ВВАС и исполкома КОПТЭ, заведующий международным отделом КОПТЭ Берхану Байе, член ПК ВВАС и исполкома КОПТЭ, заместитель председателя высшего совета по проведению общенациональной революционной кампании развития и центрального планирования Аддис Тедла, другие эфиопские государственные деятели.

10 ноября из Москвы отбыл Председатель Временного военного административного совета (ВВАС) Социалистической Эфиопии, Председатель Комиссии по организации партии трудящихся Эфиопии (КОПТЭ) Менгисту Хайле Мариам.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами Социалистической Эфиопии и Советского Союза, у трапа самолета Менгисту Хайле Мариама провожали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, другие официальные лица.

Среди провожавших находились посол Социалистической Эфиопии в СССР Несибу Тайе, эфиопские студенты, обучающиеся в вузах столицы, представители трудящихся Москвы.

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ Э. КОЛОМБО

11 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле министра иностранных дел Италии Э. Коломбо, находившегося в Советском Союзе с официальным визитом.

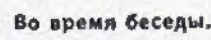
В беседе принял участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Л. И. Брежнев отметил последовательный миролюбивый характер внешнеполитического курса Советского Союза, его стремление и дальше делать все для укрепления сотрудничества и безопасности в Европе и во всем мире. Была подтверждена приверженность обеих стран делу разрядки и международного сотрудничества.

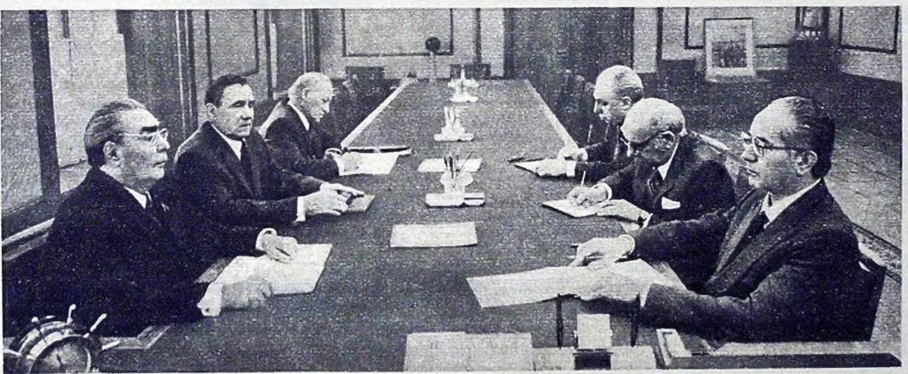
Большое внимание участники беседы уделили состоянию и перспективам советско-итальянского сотрудничества в различных областях. При этом была выражена обоюдная заинтересованность СССР и Италии в его углублении и продвижении вперед.

Беседа имела деловой, конструктивный, дружественный характер.

На беседе присутствовали: с советской стороны — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов; с итальянской — генеральный директор политического департамента МИД Итальянской Республики В. Гардини, посол Итальянской Республики в СССР Д. В. Манкотта.

Во время беседы. Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС).

КРЫМСКАЯ ОБЛАСТЬ

ПАМЯТЬ МОРЯ 1

...Они не подавали сигналов «SOS», не кричали и не молились. Они сражались до конца и, разбитые, сожженные и раздавленные тяжелой гитлеровской береговой артиллерией и авиацией, молча шли на грунт. Те немногие из участников десанта на Эльтиген, что остались в живых, не могут без спазм в горле, без горечи и гордости за бессмертных ровесников своих вспоминать о том, что произошло в промежутке между приказом командования «Форсировать и преодолеть Керченский пролив!» и сообщением Совинформбюро от 6 ноября 1943 года: «...южнее города Керчь наши десантные части овладели сильно укрепленным пунктом противника Эльтиген».

Собственно, задача у Эльтигенского десанта была скромной: отвлечь на себя силы противника для высадки основного десанта севернее Керчи и по возможности закрепиться на берегу. Командир одного из десантных катеров Степан Федорович Чирухин рассказывал мне, как в ночь на первое ноября поднялась невиданная на здешнем мелководье буря в десять баллов, как хлестала и накрывала ледяная, свинцовая волна. Но приказ есть приказ. И пошли наши легонькие, вооруженные лишь пулеметами мотоботы, катера, малые охотники, в общем, все то, что называли тогда «тюлькиным флотом» по имени самой мелкой здешней рыбешки... Некоторым катерам все-таки удалось достичь берега. Матросы выбирались из ледяной воды, прощались друг с другом, срывали с себя бушлаты и, бросая их на колючую проволоку, в тельняшках шли вперед. Их секли прожекторы, косил пулеметный огонь... К утру буря стихла. На песчаном берегу лежали, словно большие задохнувшиеся рыбы, наши катера. Но задачу десант выполнил.

Не так давно при расчистке акватории пролива водолазы обнаружили затонувшее судно — огромную, обросшую водорослями и илом проржавевшую груду железа. В машинном отделении лежал комплект слесарных инструментов, в отсеке, где размещался камбуз, нашли банку с лавровым листом, не утратившим запаха. Сохранилась ведомость уплаты комсомольских взносов, протоколы нескольких комсомольских собраний. Буквы очень размыты, но можно все-таки разобрать повестку дня: «Обсуждение решения комсомольского актива третьей бригады РК ВМФ о реализации доклада т. Сталина от 6/XI-42 и задачи комсомольцев 1-го отр. Б. К.». В радиорубке найден дневник радиста Лени Мизина. Он был чем-то сильно прижат и чудом уцелел в воде. На обложке большими буквами, совсем еще ученическим почерком выведено: «По стопам жизни». «Вот она, боевая жизнь,— писал он 5 ноября.— Четвертые сутки — беспрерывная работа. Переправляем боезапас, раненых. Погода мокрая, холодная. Вчера снова был шторм... Под вечер налетели 14 «юнкерсов», бомбили причалы... Холодно, сижу в рубке мокрый, держу связь с 33-м, с Ванькой Решетником...» Последняя запись сделана 9 ноября: «...были в дозоре, столкнулись с шестью катерами и двумя баржами... Вступили в бой...»

Невероятно, но бронекатер М-81, поднятый водолазами, совершил в те дни, лавируя между минами; вступая в бой с фашистскими баржами, уходя от бомбардировок, 25 рейсов, ни разу не возвратившись на базу с невыполненным заданием. От последней мины он не ушел.

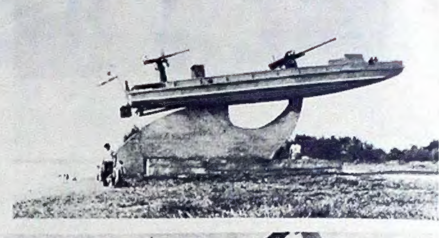
За мужество и героизм, проявленные при высадке десанта, все моряки бронекатера были награждены орденами и медалями. Его командиру, старшему лейтенанту В. Н. Денисову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Ныне многие страны мира видят теплоход Северного морского пароходства «Вячеслав Денисов». Останки экипажа 81-го торжественно похоронены на мемориальном городском военном кладбище. На надгробной стеле высечены имена двенадцати героев. Из Белгорода на похороны приезжала восьмидесятилетняя мать Денисова, Елена Алексеевна. Боевые друзья сына подарили ей гвардейский морской флаг бронекатера.

Сергей МАРКОВ

На снимке: восстановленный на заводе бронекатер М-81.

Фото автора

1

2

3

КУЙБЫШЕВ

ВОЛЖСКИЕ КУРАНТЫ 2

Эти необычные часы, так же как и Кремлевские куранты, изготовлены несколько столетий назад и являются прямыми свидетелями многих страниц русской истории.

Первоначально свою жизнь часы начали в Оренбургской крепости. Ими любовались и слушали их мелодичный бой Александр Сергеевич Пушкин и Владимир Иванович Даль. В тридцатых годах прошлого столетия куранты сменили прописку и были перевезены в Самару (ныне Куйбышев) и установлены на специально для них построенной башне — на здании Дома офицеров.

В позапрошлом году главные часы Поволжья решено было пустить в ход. Предстояло провести сложную реставрационную работу с заменой целых узлов и деталей.

Поиски специалистов привели в управление «Куйбышевремчасбыт». Пять месяцев шла напряженная кропотливая работа. Мастер Петр Дмитриевич Щербинин рассказывает: «Порой не верилось, что куранты заговорят, механизм был изношен до предела, а его необычность и сложность заставляли буквально прощупывать каждую деталь». Нужно было определить, что и как менять, из какого материала делать... Так, например, новые палеты изготовили из чистого вольфрама, заменили подшипники, выточили втулки из бериллиевой бронзы. Особую сложность представляла отладка дифференциальной системы передачи, рассчитанной на три стороны башни, отладка ударного механизма.

Вместе с реставраторами поднимаюсь на высоту девятиэтажного здания. В башне хитроумная система шестерен, валов, канатов, колоколов. Впечатляют размеры. Маятник курантов весит, например, 36 килограммов, по 115 килограммов гири.

Старый мастер Константин Павлович Цыбанов, словно добрый волшебник из сказки, дает пояснения. С нетерпением ждем бой. Идут минуты, и вот — удар, второй, третий... Механизм работает с точностью хронометра, и в этом огромная заслуга волжских умельцев.

На башне мастера написали: «Гарантируем работу курантов 100 лет».

К. ДАНИЛЮК

Фото А. Кукушкина

КАЗАХСТАН

ИСПРАВЛЯЯ «ОШИБКУ» ПРИРОДЫ

Семиречье в Казахстане всегда страдало от засух, а между тем земля здесь плодороднейшая. Однако скоро этому недугу земли придет конец. Разработан и начал претворяться в жизнь проект Бартогайского гидроузла на реке Чилик, чтобы обеспечить запас влаги для поливного земледелия. Примерно в 170 километрах от Алма-Аты реку перекроют плотиной. Возникнет водохранилище, которое на первой стадии накопит 70 миллионов кубометров воды, а с завершением строи-

ЭСТОНИЯ 3

ХОЗЯИН ЛЕСА

Обычный охотничий рог может превратиться в волшебную дудку, созывающую из леса диких животных. Это утверждают все, кто побывал в гостях у Карла Пярна, лесничего Кулламаaского опытного охотничьего хозяйства.

Действительно, как только замолкла трель условного сигнала «на завтрак», на поляну вышло большое стадо кабанов. Почти не обращая внимания на стоящего поблизости человека, они сразу принялись за ломтики моркови и брюквы... Вот так уже несколько лет начинается рабочий день большого знатока и любителя природы Карла Пярна.

Тщательное изучение повадок этих обычно осторожных обитателей леса позволило ему выработать и применить круглогодичную систему дополнительного кормления кабанов. Вместе со своими добровольными помощниками, охотниками и учениками здешней школы, К. Пярн создал в местах обитания животных небольшие плантации. Выращивает на них картофель и другие овощи, зерновые, сочные травы. Зимой и ранней весной сюда доставляют также отходы зерна, минеральные добавки — соль, мел.

В результате поголовье кабанов на территории лесхоза за последние пять лет увеличилось втрое, а главное — сократились «налеты» животных на поля близлежащих колхозов и совхозов. Сколько тем самым спасено картофеля и зерна, трудно подсчитать...

Уже более двадцати лет возглавляет К. Пярн небольшой коллектив, который превратил Кулламаaское хозяйство в одно из лучших в республике. Дружит лесничий с юными любителями природы. Ребята активно участвуют в кружке следопытов. Многие узнали с его помощью первые тайны живой природы, а теперь сами работают лесоводами, охотоведами. За большие заслуги К. Пярн удостоен почетного звания заслуженного лесовода Эстонской ССР.

За последние десятилетия численность многих видов животных в лесах республики вновь достигла уровня вековой давности.

Андрес ПЛООМПУУ

На снимке: кабаны вышли на поляну.

Фото П. Кузнецова

тельства второй очереди — 320 миллионов кубометров. Это позволит оросить более 35 тысяч гектаров земель. В будущем от водохранилища через все Семиречье пройдет канал, вода которого утолит жажду земли на 270 тысячах гектаров.

На земле не так уж много мест, где природа идеально распределила тепло и влагу. Чаще бывает так: где много солнца, не хватает воды. И наоборот. И тогда человек приходит на помощь природе...

Ю. ЛУШИН

Генеральному секретарю Коммунистической партии США товарищу Гэсу ХОЛЛУ

Дорогой товарищ Гэс Холл!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза шлет Вам горячий братский привет и самые сердечные поздравления в связи с Вашим семидесятилетием.

Вся Ваша многолетняя общественно-политическая деятельность неразрывно связана с рабочим движением, с борьбой Коммунистической партии США за интересы рабочего класса, всех трудящихся страны. Вашу неустанную самоотверженную борьбу за мир и разрядку, против гонки вооружений, за взаимопонимание и взаимовыгодное сотрудничество между народами США и СССР во имя мирного будущего человечества высоко ценят советские люди. Они знают Вас как видного деятеля международного коммунистического движения, активно отстаивающего его интернационалистские, марксистско-ленинские принципы, его сплоченность в борьбе за великие идеалы социализма и мира.

Желаем Вам, дорогой товарищ Холл, доброго здоровья, успехов в Вашей политической и теоретической деятельности на благо своего народа, мира и прогресса во всем мире.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О награждении Генерального секретаря Коммунистической партии США тов. Гэса Холла орденом Дружбы народов

За заслуги в борьбе за мир и социальный прогресс, за вклад в дело взаимопонимания и сотрудничества между американским и советским народами, в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить Генерального секретаря Коммунистической партии США тов. Гэса **Холла** орденом **Дружбы народов.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 6 ноября 1980 г.

• РЕПОРТАЖ

ОЛИМПИЙСКИЙ УРОВЕНЬ

Автобус маршрута № 165 отошел от станции метро «Юго-Западная» и через пять минут затормозил у остановки Олимпийская деревня. Вот так просто можно теперь совершить путешествие в точку, которая многие месяцы была, пожалуй, центром внимания всей нашей планеты.

Сегодня здесь тихо. Слышно даже, как ветер шуршит последним свернутым листиком на чисто подметенном асфальте. Строгая красота зданий, четкая графика аллей, нежные тона осени на газонах... Ушли в прошлое, в историю краски и гомон олимпийского лагеря, лишь указатели да таблички напоминают о недавнем спортивном форуме. Осталось название — Олимпийская деревня, которое присвоено теперь этому знаменитому московскому микрорайону. Остались, конечно, прекрасные жилые дома, помещения школ, детских садов, культурного, торгового центров — целый комплекс, вошедший в структуру городского хозяйства Москвы. Но это еще не все — надо, наверное, сохранить тот высокий уровень доброжелательности, культуры, внимания к человеку, которым прославилась Московская Олимпиада и который повсюду царствовал здесь в те яркие праздничные дни.

— Когда спортсмены разъехались, мы были приятно поражены: вся Олимпийская деревня осталась, можно сказать, в идеальном состоянии, ремонтным бригадам практически ничего не пришлось чинить,— рассказывает заместитель начальника управления Олимпийской деревни Юрий Борисович Дежнов.— А ведь после прежних Олимпиад, я знаю, деревни выглядели иначе... Конечно, все наши гости не могли не оценить той заботы, предупредительности, которую они ощущали в Москве буквально на каждом шагу...

— Вы знаете, мы хотим, чтобы все здесь оставалось так же, как в дни Олимпиады,— говорит парикмахер салона «Олимпийский» Надежда Матвеенкова.— Мы — это представители службы быта Олимпийской деревни, которые получили здесь прекрасную школу работы, скажу с уверенностью, самого высокого международного класса. Трудно было, но интересно, как никогда прежде. И мы все здесь решили не снижать этой марки, быть постоянно такими же требовательными к себе и призывать к тому наших посетителей...

— Я даже не мечтала, что буду жить в этом прекрасном месте,— поделилась радостью Ольга Ивановна Мусликова, новосел микрорайона Олимпийская деревня.— Мы с мужем работаем на телевизионном заводе: он — регулировщик, я прежде была радиомонтажницей, а после рождения сына перешла в кладовщицы — там работа в одну смену. Мы уже несколько лет ждали очереди на квартиру, жили сначала у родителей мужа, потом временно получили одну комнату в коммунальной квартире. Все гадали, где получим — в Отрадном или в Лианозове. Хорошо бы в Строгине, но вряд ли... И вот третьего октября, перед Днем Конституции, вдруг вечером звонок по телефону: зайдите в райжилотдел по поводу вашей новой квартиры! Николай был в вечернюю смену, он на другой день с утра в райжилотдел отправился, а оттуда — прямо ко мне на завод. Показывает ордер — вот, будем жить в Олимпийской деревне! Переехали быстро. Даже с соседями по площадке как следует познакомиться не успели, женщину из квартиры рядом, кажется, я на нашем заводе видела, а муж говорит, что хозяин квартиры напротив тоже рабочий...

С. БОРИСОВ

В БОРЬБЕ ЗА МИР

Михаил КОТОВ,
член Всемирного
Совета Мира

Тридцать лет прошло с той поры, как был создан Всемирный Совет Мира — международная организация, ставшая ныне известной сотням миллионов людей нашей планеты. Пройденный ею путь — это годы неустанной борьбы против опасности развязывания новой мировой войны.

Вспоминаю 1950 год. Стояла слякотная ноябрьская осень. Столица народной Польши — Варшава — была еще в руинах. Варшавяне с радостью встречали тогда гостей, прибывших на второй Всемирный конгресс сторонников мира. Вначале намечалось, что он будет проведен в Италии. Однако итальянское правительство отказалось дать разрешение на въезд делегатов в страну. Английские сторонники мира, заручившись согласием лейбористского правительства, предложили провести конгресс в Шеффилде. Но со. стороны правительства Англии это оказалось лишь тактическим ходом. Все было направлено на срыв конгресса. Многим делегатам из социалистических стран было отказано в визах. Ставились всяческие рогатки на пути поездки в Шеффилд и большой группе делегатов из западных стран. Дело дошло до того, что перед самым конгрессом английские власти незаконно арестовали французского ученого, лауреата Нобелевской премии Фредерика Жолио-Кюри — одного из главных организаторов конгресса.

В этой обстановке пришлось срочно искать другое место для его проведения. И тогда последовало приглашение делегатам приехать в Варшаву. Оно было принято с ликованием. За короткий срок при участии тысяч варшавян было переоборудовано здание полиграфического комбината и Дома Слова Польского. В этом здании, украшенном голубыми полотнищами,, эмблемой с голубем мира, написанной знаменитым художником Пикассо, 16 ноября в торжественной обстановке открылся второй Всемирный конгресс сторонников мира.

В зале царила приподнятая обстановка. И вот наступила минута, когда к микрофону подошел Фредерик Жолио-Кюри. Громовой овацией встретили его делегаты.

Семь дней под сводами Дома Слова Польского звучали речи борцов за мир, прибывших из 80 стран. Мы услышали и голос знаменитого американского певца Поля Робсона, записанный на пленку. Ему американские власти не выдали выездную визу. В один из дней на трибуну поднялся студент из Парагвая. Он развернул окровавленную рубашку своего друга, который должен был приехать в Варшаву. Его убила парагвайская охранка. Замечательный советский поэт, делегат конгресса, а впоследствии почетный президент Всемирного Совета Мира Николай Тихонов напишет ныне ставшие классическими стихи «Рубашка».

Поистине волнующей была встреча делегатов с одним из героев борьбы за мир — французским моряком Анри Мартеном. Он отказался воевать против вьетнамского народа. А его соотечественница, юная сторонница мира 18-летняя Раймонда Дьен, задержала эшелон с войсками интервентов, отправлявшихся в Индокитай. Она бросилась на рельсы и остановила поезд. Этот подвиг вызвал восхищение миллионов людей.

Несмотря на различие взглядов и убеждений, участники конгресса вырабатывали решения, которые бы помогли поднять все народы на борьбу против угрозы войны. А опасность эта была велика. И об этом полным голосом говорили делегаты на конгрессе. Они подчеркивали, что создание движения за мир явилось исторической, настоятельной необходимостью.

В те годы президент США Трумэн бряцал атомным оружием. Генерал Эйзенхауэр, выдавая себя за миролюбца, призывал морально реабилитировать армию Гитлера. В Западной Германии поспешно выпускали на волю военных преступников. Американские агрессоры напали на Корею. Они разрабатывали, планы похода на Советский Союз. Я просматриваю хронику той поры, листаю страницы американских газет. Сенатор Джонсон настойчиво требовал сформировать иностранный легион численностью не более и не менее, как в миллион солдат. Обнаглевший сенатор заявлял: «Это спасет жизнь молодых американцев». А другой лихой сенатор, Лодж, вторил ему: «Нужно набрать не один миллион, а два». Один из сенаторов откровенно говорил: «Мы поможем европейцам уничтожить их города» (как это похоже на нынешние действия Пентагона, администрации Белого дома, бешено стремящихся установить в странах Европы новое ракетно-ядерное оружие, нацеленное на Советский Союз и другие социалистические страны).

В пятидесятые годы, когда была развязана «холодная война», совесть народов не могла смириться с тем, что в Европе насаждались новые военные базы, что подхлестывалась гонка вооружений. Созданный агрессивный Североатлантический блок был явно направлен против стран социализма.

В ответ на происки агрессоров миллионы людей сказали: нет новой войне! Об этом говорили и посланцы народов, прибывшие в Варшаву.

Итоги конгресса были знаменательными. В обращении к парламентам делегаты призывали их принять законы о мире, о запрещении пропаганды войны в любых ее формах и проявлениях. В ответ на этот призыв такие законы были приняты Верховным Советом СССР, законодательными органами других социалистических стран.

Не забудется и последний день Варшавского конгресса. Под громовые овации было принято предложение — создать Всемирный Совет Мира. Представители народов поручили ему направлять и координировать деятельность сторонников мира различных стран, мобилизовывать их на борьбу против опасности мировой войны, за всеобщее разоружение, поддерживать борьбу народов за национальную независимость. В первый состав Всемирного Совета Мира вошли 226 человек. Это были выдающиеся политические и общественные деятели, знаменитые писатели, ученые, деятели культуры, представители религиозных организаций.

Помнится, как после окончания конгресса в том же Доме Слова Польского собрались на свое первое заседание члены первого созыва Всемирного Совета Мира. Одним из главных вопросов было избрание председателя ВСМ. Руководитель советской делегации, известный советский писатель Александр Фадеев сказал тогда, что ни у кого не может быть сомнения, что достойным главой вновь созданной международной организации борцов за мир может быть человек, бесконечно преданный идеалам мира, гуманизма и прогресса. Имя этого человека — Фредерик Жолио-Кюри.

Все присутствовавшие в зале встали. Я видел, как слегка потупил голову худой, скромный в жестах, смущенный Жолио-Кюри. Выступали другие ораторы. Когда стихли долгие аплодисменты, он взволнованно ответил, что тронут этим высоким доверием, готов принять на себя нелегкую обязанность и постарается сделать все, что в его силах, чтобы внести свою лепту в общее дело защиты мира. Именно таким мне запомнился смысл короткой речи Жолио-Кюри в Варшаве в памятный ноябрьский день 1950 года.

Возглавив Всемирный Совет Мира, он в течение многих лет был душой движения, явился инициатором многих полезных начинаний. До конца своей жизни он боролся за то, чтобы атомная энергия служила только мирным целям. Он хорошо понимал, как много могут сделать ученые, чтобы не допустить распространения ядерного оружия, чтобы поставить свои новые открытия на благо людей.

В наши дни за большие заслуги в борьбе за мир Всемирный Совет Мира присуждает почетные Золотые медали Мира с изображением Жолио-Кюри. Эти медали носят на груди многие и многие люди разных стран, одухотворенные одной идеей — не допустить нового военного пожара! Этой медалью отмечен и неутомимый борец за мир, выдающийся деятель Советского государства Леонид Ильич Брежнев.

Тридцать лет продолжает настойчиво действовать Всемирный Совет Мира. Возрос его авторитет. Всемирный Совет ныне активно сотрудничает с ООН. Действия, призывы ВСМ поддерживают правительства многих стран. Нельзя не привести и такой факт. Под давлением широких кругов общественности, американских сторонников мира правительство США вынуждено было снять многолетний запрет на деятельность ВСМ на американской территории. Все это — свидетельство того, как окрепли силы мира, с которыми уже не могут не считаться империалистические круги. Воля народов к миру — это мощный фактор разрядки международной напряженности. Всемирное движение сторонников мира и его боевой руководящий орган ВСМ все эти годы искали и ищут самые различные формы действий, объединяющие всех, кому дорог мир. Так было в годы борьбы вьетнамского народа против американских агрессоров. Поистине беспрецедентным было недавнее движение народных масс против нейтронного оружия. Сегодня мы видим, какой широкий размах принимает борьба народов против преступных планов НАТО, имеющих целью превратить Европу в американский полигон ядерного оружия. Расширился круг вопросов, которые находятся в центре внимания ВСМ. Сегодня национальные организации ВСМ действуют более чем в 130 странах. Поистине непреходящее значение имеют инициативы ВСМ по развертыванию диалога между различными партиями и организациями для совместных действий за разоружение и разрядку. Большую роль сыграл в этом Всемирный конгресс миролюбивых сил, состоявшийся в Москве в 1973 году. О том, что этот процесс успешно продолжается, свидетельствует и недавно состоявшийся в Софии по инициативе ВСМ Всемирный парламент народов за мир. В нем участвовали представители миролюбивых сил из 137 стран всех континентов. Участники форума в Софии приняли Воззвание и Хартию Всемирного парламента народов за мир. Эти документы дали новый мощный толчок всемирному движению против угрозы ядерной войны.

Горячую поддержку деятельность Всемирного Совета Мира находит у советских людей. Представители советской общественности, такие, как Александр Фадеев, Николай Тихонов, Илья Эренбург, Александр Корнейчук, Ванда Василевская, Евгений Федоров, Петр Федосеев, и другие видные деятели были в числе основателей Всемирного Совета Мира.

Широчайший отклик у советских людей встретило новое Стокгольмское воззвание о развертывании массовой международной кампании за прекращение гонки вооружений, за разоружение, принятое 2 июня 1975 года Президиумом Всемирного Совета Мира. Его подписали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, члены Политбюро ЦК КПСС, видные советские государственные и общественные деятели, представители культуры, науки, производства, руководители массовых общественных организаций — свыше 185 миллионов советских граждан.

Советские сторонники мира, готовясь достойно встретить XXVI съезд КПСС, полны решимости сделать все необходимое для претворения в жизнь величественной Программы мира, начертанной нашей партией. Они и впредь будут неустанно поддерживать благородные усилия Всемирного Совета Мира, направленные на благо человечества.

Т. Яблонская. Род. 1917. ТИШИНА. 1975.

А. Левитин. Род. 1922. В ПОЛНОЧЬ. 1979.

Лиляна СТЕФАНОВА

ИЗ ОДНОГО ПРОИЗРАСТАЯ КОРНЯ

ЕЕ ПОЧЕРК

В почерке мамы
Таились и солнце и смех,
Каждая буква
Дышала сокрытою силой.
В неторопливых строчках,
Немного ползущих вверх,
Что-то
Доброе, щедрое было.

Сколько было спокойствия
В этих буквах округлых
И запятых,
А для спокойствия надо так мало.
Записочка:
«Ухожу,
Возвращусь к пяти.
Твоя мама».

Глаза прищурив,
Вижу почерк ее среди темноты,
Или на старых письмах
Вот они, слова ее, в ящике,
Округлые, словно яблоки,
Золотые плоды.
Такие же простые, неподдельные,
Настоящие.

Может, фраза была
Наивна слегка,
Не цветиста, корява даже.
Может, фраза по смыслу
Не была глубока,
Но была надежна
И непродажна.

Ее почерк
Сам обо всем говорил,
В плавных буквах ее
Любовь светилась,
В четких буквах
Долг материнский сквозил,
И душа расцветала,
И сердце билось.

Эти буквы
На моем одиноком пути,
Как вы мне нужны,
Не исчезайте бесследно.
Записочка:
«Ухожу,
Возвращусь к пяти».
Никто не знал,
Что она —
Последняя.

РЕЛЬСЫ

Почти с пеленок:
Думай, помни, знай.
Поставят на невидимые рельсы —
Не скажешь ветру:
Юбки не вздувай,
Дождю не скажешь:
Потихоньку лейся.

А ты живешь
Все время на виду.
Жизнь — беспощадный
И стоокий Аргус.
Анфас и профиль.
Фокус наведут.
И не дай бог,
Чтоб некрасивый ракурс...

Что скажут,
Что подумают о нас —
Вот формула,
Которой мы боимся.
Огонь не вспыхнул,
А уже погас,
Цветок, готовый цвесть,
Не распустился.

Где радуга,
Где радость высоты?
Пусть сверзнусь, грохнусь,
Я одна в ответе!
Как много не родилось красоты
И остроты пропущено на свете.

Как жалко мне,
Что в жизни прожитой,
Оглядываясь:
«Как бы не подумали...»,—
Была я недостаточно смешной,
Была я недостаточно безумной.

НЕ РЕВНУЙ МЕНЯ

Не ревнуй меня,
Берег южный,
Море синее, чаек гам,
К этим белым
Просторам вьюжным,
К ветру белому
И снегам.

Ты прости мне
Мою измену,
В бухте дремлющая вода,
Променяла я
Плеск и пену
На зеленые глыбы
Льда.

Пляжи желтые
И песчаные,
Помнит жар ваш
Кожа моя.
Но сугробами величавыми
Очарована
Ныне я.

Краю милому
Изменила я,
Он простит ли
Измену мне?
Полюбила я
Волю зимнюю,
Полюбила я
Сосны в инее.
На заре они,
Как в огне.

Не ревнуй же меня,
Не надо,
Море синее вдалеке,
К тихим медленным снегопадам,
К снежной звездочке на руке.

ДВА СЛОВА

Предательство и преданность...
Какое
Кровосмешенье слышится, прочти,
Какой они насыщены враждою,
Притом, что одинаковы почти.

Зачем они
Под общею личиной
Должны два крайних смысла
означать?
Какая заставляет их причина
Почти что одинаково звучать?

От одного произрастая корня,
Гремя одним и тем же звучным
«Эр»,
Что нам они
собой хотят напомнить,
Какой дают нагляднейший
пример?

Предательство и преданность...
Два брата,
Один повстанец, а другой
жандарм.
Предательство и преданность...
Когда-то
Был Левский,
Но и «Общий» был ведь там[1].

Два бунтаря.
Но души непохожи,
Как день и ночь, как солнце
и луна.
Да и одна душа бывает тоже
На два отсека
Вдруг рассечена.

Родной язык,
Твой замысел не ясен!
Какой непостижимости верны
В одном цветке,
Который так прекрасен,
И мед и яд вдруг
Соединены?

МОРОЗ И СОЛНЦЕ

Мороз и солнце — странен их
союз,
Они враги,
Но все в любовь играют,
Внушая нам
Извечность тайных уз —
Снега горят, искрятся и сверкают.

А иней
На деревьях, на заре?
А тонких льдинок яркие
кристаллы?
Пылает ель в морозном январе,
Лес светится, как праздничные
залы.

И мы с тобой идем по январю,
Благословляя крепнущие узы.
Постой, постой, тебе я говорю.
То — лишь игра,
То — видимость союза!

Остановись и выслушай меня —
От белизны сверкающей
и чистой,
От чудного слепящего огня,
От пышности, от радости
лучистой,

Когда и вправду солнце припечет,
От этого торжественного храма
Останется вода, что утечет,
Да ржавь, да грязь, колдобины
да ямы.

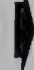
Вот почему
Сверкаю и боюсь.
Погаснут блестки, искорки
растают.
Мороз и солнце —
Странен их союз.
Они враги,
Они в любовь играют.

ТЫ ДЛЯ МЕНЯ...

Ты для меня, как стих,
В котором
Законы музыки сквозят.
Созвучье белого и черного,
Аллитерация, повторы,
Согласных твердость, пенье
гласных —
Все соразмерно, все прекрасно,
Ни строчки вычеркнуть нельзя.

Ты для меня как стих,
Что как бы
Сперва проходит без следа,
Но уж душа дрожаньем слабым
Ему откликнулась, открылась,
Но память за него схватилась
И закрепила навсегда.

Ты для меня как стих
Чеканный,
Твердимый, чтимый неустанно
И днем и ночью наизусть.
В тебе одно изменишь слово —
И станешь ты другим и новым.
Я не хочу, креплюсь, боюсь.

[1] «Общий» — кличка Дмитрия Косонца, ближайшего сподвижника Левского. Сыграл роль предателя, выдав организацию турецкой полиции

Ты для меня как стих
Тревожный,
Меня втянувший хоровод.
И жить в круженье невозможно,
И к неподвижности вернуться
Уже нельзя. А дни несутся,
И сердце биться устает.

Ты для меня как стих
Смертельный,
Перо стрелы, торчащей в теле,
Удар, разящий наповал.
На счастье или на несчастье
Поэт и вдохновенный мастер
Тебя однажды отковал?

ПОСЛЕДНЯЯ СТАЯ

Как мне смотреть на вас без грусти
В осеннем небе без границ,
Вдаль улетающие гуси —
Цепочка перелетных птиц.

Они все дальше, дальше, дальше,
Тревожно мучая меня...
А ты,
Ты помнишь ли, как раньше,
Как раньше любишь ли меня?

В краю далеком в поле выйдешь,
На небо над собой взгляни,
Моих летящих птиц увидишь,
Цепочкой тянутся они.

Моя печаль невыносимей
День ото дня, от часу час.
Цепочка эта в небе синем
Одна лишь связывает нас.

ПРОЗРЕНИЕ

Все поглощает вечер:
Волны, что рябят,
И белизну сверкающую чаек.
Но говорю ему:
Приветствую тебя,
Ты зренье мне,
Ты мир мне возвращаешь.

Июльский полдень ярок,
Он слепит,
Как встречные,
Усиленные фары.
Свет есть,
Но мир невидим и сокрыт.
Что можно услыхать,
Когда гремят фанфары?

Водой из шланга
Жизни бьет струя
В теченье дня.
В лицо — струя из шланга.
Оглушена,
Где б ни сидела я,
Закружена,
Куда бы ни пошла я.

Но вечер добр,
Легко тушует он
Фломастером
Холмы, предметы, лица.
Мой взгляд и вдаль и в небо устремлен,
Моя душа сама в себя глядится.

Тогда верней охватываю я
Цветы, тропинки, действия и битвы,
И постигаю тайны бытия
И вечные улавливаю ритмы.

Перевел с болгарского
Владимир СОЛОУХИН.

Надо откровенно признать: механизм управления и планирования, методы хозяйствования и исполнительскую дисциплину не удалось пока поднять на уровень современных требований. Это затрудняло поворот к эффективности, перевод народного хозяйства на путь интенсивного развития.

Л. И. БРЕЖНЕВ.
Из речи на октябрьском (1980 г.) Пленуме ЦК КПСС.

КОГДА В Р

А. ЩЕРБАКОВ

ЧТО НАПИСАНО ПЕРОМ — НЕ ВЫПРОСИШЬ...

Одно письмо спешило из белорусского города Лиды в Северодонецк. Другое — из Северодонецка в Лиду. И в том и в другом были сигналы тревоги. Лидский лакокрасочный завод напоминал, что в 1979 году северодонецкое производственное объединение «Азот» недодало ему 22,7 процента от фонда винилацетата — вещества, необходимого во многих химических производствах, — и тем способствовало срыву годового плана и что в 1980 году на «Азоте» все время висит долг.

Северодонецк же уведомлял Лиду, что задержки лакокрасочным заводом поставок полиэфирной смолы ПН-1 вынуждают производственное объединение «Стеклопластик» остановить производство.

...Круговорот писем в природе. Исходящие... Входящие... А параллельными курсами несутся телеграммы. А в самолетах и поездах командированные «добытчики»... Внеплановые почтовые отправления по поводу планового сырья, внеплановые поездки за плановыми материалами... Ереванское производственное объединение «Поливинилацетат» в первом полугодии 1980 года недодало лидскому заводу 292 тонны винилацетата, а из 206 тонн фонда третьего квартала сюда к концу августа поступило всего 66 тонн. Минуло два месяца третьего квартала, а Куйбышев отдал Лиде только 927 тонн растворителя — уайт-спирита, хотя занаряжено на квартал почти вчетверо больше. На голодный паек в буквальном смысле слова посадили лидских химиков Ангарск и Нижнекамск; по этой же причине существуют натянутые отношения с ленинградским научно-производственным объединением «Пигмент», с химиками из Перми и Кинешмы...

Заместитель директора лидского завода Владимир Иванович Божок из сил выбился, сочиняя письма поставщикам и ответы потребителям (потребителей-то целых три тысячи — завод дает краску и лаки для грузовых и легковых автомобилей, комбайнов и тракторов, металлических вагонов, мебельщикам, строителям, предприятиям бытовой техники — словом, во все отрасли народного хозяйства). Но пусть бы переписка, телетайпные переговоры, звонки — лишь бы план выполнялся. Но ведь не выполняется или выполняется с трудом, с величайшим напряжением.

Нет, нет, заводской коллектив вовсе не жаждет легкой жизни и никогда не искал ее! Но трудности трудностям рознь. Особенно если разбираться в их истоках.

Трудности... Как настойчиво и как непреклонно требуют от производственников умения и готовности их преодолевать. Правильно требуют! Грош цена руководителю производства — будь то генеральный директор объединения, или начальник цеха, или мастер, если он опускает руки в сложной ситуации, если не способен обеспечить организованность и дисциплину в тяжелой обстановке, предотвратить серьезные сбои в работе подчиненных. Но трудности трудностям рознь. Если они вызваны объективными обстоятельствами, — коллектив предприятия предельно мобилизуется, зримее проявляется его монолитность, готовность больше напрягаться, больше отдавать. Когда же коллектив знает, что трудности появляются из-за того, что в каком-то звене выходят наружу экономическая малограмотность, недальновидность, безответственность, нежелание считаться с реальностью, естественно, встает вопрос: почему он должен расплачиваться за это лишними усилиями, дополнительными затратами времени, энергии? И тогда, наоборот, могут возникнуть расслабленность и пассивность. И тогда попробуй руководитель убедить, что трудности, мол, преодолимы. Тем более если сам убеждаешься, что они — груз ненужный, мешающий поддерживать в коллективе работоспособность, слаженность, самоотдачу.

Директор Лидского лакокрасочного завода Борис Васильевич Миронов в который уже раз за последние несколько месяцев собирался в Москву. Гнала суровая необходимость. Начался год, а план снабжения производства не согласован еще по 24 (!) позициям. По предыдущему году директор знал о последствиях. Программу 1979 года завод не выполнил, и в Министерстве химической промышленности СССР Миронова предупредили, что, если дела не поправятся, коллегия решится на серьезные выводы. Но предупреждение ведь не всегда исчерпывающее средство!

Приехав в Москву, Миронов пытался согласовать с руководителями министерства несогласованное к началу года. Он отнюдь не пытался переложить все, как говорят, с больной головы на здоровую, не отрицал, что в отставании завода есть и его, директора, вина. В цехах подчас допускаются нарушения технологической дисциплины, не все ладно с профессиональной подготовкой кадров, с использованием оборудования. И правильно, что министерство жестко спрашивает с него за ошибки и упущения. Однако без министерства в нормальную колею заводу не войти. Не наладится снабжение, не гарантирована ритмичность производства, а от нее в основном зависят конечные результаты.

К сожалению, у завода нет сбалансированности по заданиям выпуска продукции и по поставкам сырья. Отсюда постоянные сбои, прорывы. В прошлом году, например, предприятие вынужденно не выпускало полиэфирные лаки примерно полгода, пострадал план многих мебельных фабрик Белоруссии, Украины, Прибалтики. Завод платил штрафы, искупая вину плановых и снабженческих органов, но лаков-то от этого не прибавилось.

А что же министерство? На второе полугодие 1980 года программу по лакам заводу увеличили на пять тысяч тонн. Если иметь в виду производственные мощности предприятия, увеличение программы правомерно. Только без сырья-то мощности бесплодны. Вот тут и загвоздка. Как только заходит речь о сырье, в оборот вводятся формулировки довольно расплывчатые («будем решать!») и в то же время дающие понять, что в любом случае предприятие должно найти выход из положения («надо изыскивать на месте», «необходимо ориентироваться на безусловное выполнение»)... Словом, Миронов вернулся в Лиду, так и не добившись ясности по всем позициям, связанным с сырьем и материалами.

Да он и не мог добиться. Потому что Минхимпром планы пред-

ЕЗЕРВЕ НУЛЬ...

приятиям, как правило, доводит позже, чем определяет фонды сырья и материалов, хотя целесообразнее бы, пожалуй, делать наоборот. Цифры, определяющие выход продукции и ресурсы сырья, далеко не всегда соответствуют нормативным расчетам, стыковки по объемам не получается.

Ошибки? Ничуть нет! Идея проста, как канцелярская скрепка: план — закон, и производственники превзойдут себя в усилиях, добиваясь его выполнения. Ну, а коли уж кто, все исчерпав, все равно не одолеет, министерство в «рабочем порядке» постарается помочь, а не выйдет, обратится в вышестоящие инстанции с просьбой скорректировать план в сторону снижения.

В подобной практике при желании можно обнаружить определенный резон: а вдруг все-таки сойдутся концы с концами. Но ведь расчет на «а вдруг» не имеет ничего общего с научно обоснованным планированием, которое заложено в основе наших хозяйственных принципов и должно — о чем постоянно напоминают партийные директивы — повседневно совершенствоваться.

К чему приводят просчеты в планировании, можно видеть на примере Могилевского производственного объединения «Химволокно». К началу 1980 года оно ввело в строй третий комплекс по выработке диметилтерефталата. Сырье для него занарядили из Уфы, с мощностей, которые, как выяснилось, войдут в действие... не раньше 1982 года. Недоразумение? Можно бы поверить, будь то единичный факт. А потом — если недоразумение или ошибка, правильная реакция на то одна: поправляют и принимают меры, чтоб не повторилось.

Увы, так в системе министерства поступают далеко не всегда. «Химволокно» — единственное в стране производство полиэфирных волокон. Их применение очень широко — от обычных ниток до искусственных кровеносных сосудов. Около 1300 предприятий — такова клиентура могилевских химиков. А положению их не позавидуешь.

— Текстильщики, например, нас со свету сжить готовы,— с горечью признаются могилевские химики. — По-своему они правы. Покупатель требует яркие ткани, а мы гоним для них серое да серое.

Почему ж на сырье сошелся клином серый цвет? Документы отвечают с математической точностью. На 1979 год объединение подало заявку на 69,8 тонны кадмия красного (самый ходовой краситель), выделили же 24,2 тонны. Не удовлетворили заявки и на другие красители. Могилев, естественно, добивался полного обеспечения программы. Тогда «Союзхимволокно», которому непосредственно подчиняется могилевское производство, одернуло его. «Прошу вас, — корреспондировали оттуда Генеральному директору Могилевского объединения П. Н. Зернову, — прекратить переписку по увеличению фондов на красители». Вот тут бы в самый раз вмешаться министерству. В Могилеве ждали. И дождались. «Поставки в ваш адрес кадмиевых пигментов в 1980 году не будет», — сообщала очередная бумага из Москвы. А как же программа? «Государственный план — закон, — повторяют в «Союзхимволокне» и в министерстве. — Надо искать возможности выполнить его, а вопросов задавать поменьше». Такова управляющая реакция, если попытаться не совсем научно грамотно (да простят меня химики!) резюмировать сказанное.

И тут будет уместно сослаться на постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». В этом постановлении Госплану СССР, министерствам и ведомствам при разработке планов «предложено обеспечивать... образование материальных и финансовых резервов, необходимых для пропорционального и сбалансированного развития экономики». Иного способа обеспечить бесперебойную и ритмичную работу промышленных предприятий не существует. Нужен так называемый переходящий запас сырья и материалов. Хотя бы на полмесяца. Особенно если иметь в виду, что поставщик вправе отгрузить свою продукцию даже в последний день месяца. Он план выполнит, а план того, кому предназначена поставка, окажется обреченным, если нет какого-то резерва. Когда же в резерве нулевые остатки, о какой уж тут стабильности думать! А резерв... Где его взять, если на плановую продукцию не всегда наскрести удается.

ПАЛКА ОБ ОДНОМ КОНЦЕ!

Неделю я потратил на попытки встретиться с кем-либо из руководителей Министерства химической промышленности СССР, Госснаба СССР и отдела химической промышленности Госплана СССР. Из приемных отвечали: «У него совещание», или: «Он уехал в... (называлась какая-нибудь высокая инстанция)», или: «Он сейчас занят и не может взять трубку...» Трубку взял только товарищ Бибишев — начальник отдела химической промышленности Госплана СССР. Взял для того, чтобы заявить мне, что встречаться и отвечать на мои вопросы он не будет, пускай редакция, если у нее есть вопросы, пришлет их (круговорот писем в природе!) и получит письменный ответ. Вопросы редакция послала, ответ пришел через... 28 дней. О его содержании я скажу позже.

Всесоюзное промышленное объединение «Союзкраска» стоит ниже министерства, и лидский завод подчинен непосредственно ему. Оно ближе к производству, и это сразу обнаруживается в разговоре с Владимиром Павловичем Сидорским, возглавляющим объединение, и его заместителем Владимиром Дмитриевичем Коржовым. Да, несбалансированность планов, подтверждают они,— одна из самых серьезных помех деятельности предприятий. Планы, не подкрепленные фондами, в некоторых случаях министерство волевыми решениями навязывает заводам, заведомо зная, что заводы не справятся с ними. Сильно мешает несовершенство отдельных структур. Усложнена, и не на пользу делу, система снабжения. Госснаб СССР — одна ступенька, само министерство — другая, территориальные органы снабжения — третья. Согласованность между ними существует не всегда, дают себя знать то ведомственные, то местнические интересы, то смешанные казенно-бюрократические вывихи. Предприятиям все это выходит боком. Но сами они, руководители объединения, изменить ничего не могут (отказаться в каких-то случаях, скажем, от посредничества и выйти на прямые связи и т. п.).

Бывают и противоположные вроде бы случаи. Предприятие не располагает, например, возможностями изготавливать у себя нестандартное оборудование, а ему твердят: делайте! «Где, как?» «Соображайте, фонды получайте и соображайте!..»

Когда-то ведь в системе министерства были сильные заводы, занимавшиеся нестандартным оборудованием, потом почти все их кому-то передали и фактически сами остались без базы... Теперь как будто бы собираются ее возрождать — надобность-то очевидна.

Владимир Дмитриевич Коржов говорит об этом, а я вспоминаю разговор в Лиде с заместителем директора лакокрасочного завода Николаем Владимировичем Слаутой.

В 1977 году здесь на базе двух цехов начали строить комплекс по производству водорастворимых смол и лаков. Ввести комплекс намечалось в четвертом квартале 1979 года. Не ввели. Перенесли срок на сентябрь 1980 года. И одна из причин как раз неувязки с поставками оборудования, в том числе загвоздка с нестандартным.

Слаута машет рукой:

— Лучше не вспоминать. Как только не выкручивались! Даже к лидским железнодорожникам на поклон ходили, чтоб они взялись кое-что сделать... Вот так, через пень колоду... Придется пускать комплекс необорудованным... Где уж тут набрать высокую стартовую скорость?!

Между тем в системе министерства существует специальная организация «Союзглавхимкомплект», призванная, как явствует из названия, комплектовать оборудованием новые мощности. Почувствовать бы предприятиям ее мощность!

Очень разная жизнь у предприятий и стоящих над ними инстанций! Министерство, его промышленные объединения могут что-то искать, отлаживать годами. А завод не выполнил план, и сразу усложняется его финансовое положение. Он вынужден платить штрафы, лишать работников прогрессивок, премиальных, отказываться от наметок социально-культурного развития... И ведь финансовыми лишениями дело не ограничивается.

На собрании коллектива выступает передовик производства: «Я взял обязательство досрочно выполнить годовой план, вы меня поддержали,— обращается он к руководителям завода.— А тут простои — то смену нечего делать, то неделю подряд... Что, скажите, мне теперь — от обязательства своего отказываться из-за того, что кто-то не может как следует выполнять свой долг?»

Соревнование, трудовая дисциплина, текучесть кадров... Все в той или иной степени непременно зависит от основного процесса — производственного, от его отлаженности, обеспеченности, четкости. Знают это и там, где планируют, распределяют фонды, координируют связи со смежниками. Знают не хуже, чем директор завода. Но спрос разный. Директора вынуждают приспосабливаться к обстоятельствам, пускать иной раз в ход средства, которые сами осуждают, вынуждают толкать подчиненных на нарушение этики служебного общения. Директор вынужден, иначе он ответит за нарушение государственной дисциплины, за срыв плановых заданий. А кто ответил за то, например, что в системе Министерства химической промышленности СССР в 1979 году не введено в действие 186 производственных мощностей, которые в 80-м уже должны были дать продукцию? Ясно, что-то не состыковалось в планах. Как это могло произойти, почему?

На эти вопросы я и хотел получить ответы у начальника отдела химической промышленности Госплана СССР т. Бибишева. Он отказался от разговора. А письмо за его подписью, присланное в редакцию, не содержит ни анализа, ни объяснений, состоит из таких вот фраз: «Успехи (речь идет о предприятиях Минхимпрома СССР. — А. Щ.) могли бы быть более весомыми, если бы все предприятия выполняли установленные плановые задания. Достаточно сказать, что по реализуемой продукции за 1979 год план не выполнен 45 предприятиями министерства на сумму около 200 млн. рублей». «...Из-за неудовлетворительного положения дел со строительством объектов химии и нефтехимии допускается большое отставание от плана по освоению капитальных вложений и вводу в действие производственных мощностей», «Многие введенные в действие мощности по производству химических продуктов осваивались в сроки, значительно превышающие нормативные из-за необеспеченности сырьем, газом, рабочей силой, недостатков в проекте и т. п.».

Касаясь же конкретных предприятий, т. Бибишев не преминул напомнить, что «на Лидском лакокрасочном заводе неблагополучно обстоит дело с технологической дисциплиной...»

Словом, дал понять, что собака зарыта на заводе и вся ответственность потому на предприятии. Палка-то, дескать, об одном конце, и непозволительно там, внизу, об этом забывать...

Лида — Москва.

Юрий **БОНДАРЕВ**

ВЫБОР

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Это сплошное движение, отчетливо набухавшее, соединенное колоннами грузовых и легковых машин, заполоняло Зацепу и Валовую улицу, без конца накатывалось по Садовой, через Серпуховскую площадь в сторону Курского и Казанского вокзалов; и шестирядный поток завывающих моторами машин, нагруженных заводским оборудованием, архивами; шагающие цепочкой люди в затерханных пальтишках; запах северного холода и остывшего пепла, что мелкими хлопьями, угольной пылью оседал на утренний иней подоконников; дощатые щиты в витринах закрытых магазинов, «ежи» на перекрестках, зияющие проходы уличных баррикад, сооруженных из мешков, набитых песком; подозрительно снующие фигуры с ведрами и картонными коробками в переулках вблизи шоколадной фабрики, группки нетрезвых и небритых мужчин, толкущихся неподалеку от мясокомбината, угрожающие милицейские окрики в глубине проходных дворов, хлесткие выстрелы, полновесно отраженные между заборами эхом октябрьского воздуха; вооруженные военные патрули и проверка документов на углах; молчаливые, прижатые к стенам очереди около столовых, где по талонам выдавали скудные пропахшие подгорелым маргарином обеды; опять рокочущее, нескончаемое движение машин по Садовой; наглухо закрытые подъезды опустелых учреждений; утробный рев, мычание коров посреди Калужской площади, хаотичное скопище голодных животных, пригнанных из подмосковных деревень, занятых фашистами или уже обстреливаемых орудиями, злые крики пастухов, щелканье кнута поблизости окон и арок домов, грохот по асфальту колхозных тракторов, тянущих прицепы с косилками и веялками вслед за стадами; не вполне объяснимый внезапный пожар в керосиновой лавке на Самотеке, гудки проносившихся красных машин, тревожное мелькание золотых касок, жиденькая толпа поодаль пожара и оцепление из гражданских вперемежку с милицией, осторожные разговоры в толпе о ракетчиках и диверсантах в городе («Вчера одного на чердаке с ракетницей и револьвером поймали!». «А когда ночью налет был, дежурный смотрит — на крыше против Могэса фонарик мигает, сигналы самолетам подает, где, значит, бомбить». «Теперь они мосты взрывать начнут, диверсанты-то...»), шоссе Энтузиастов, донельзя забитое машинами, слитое месиво рокота, крика, лиц, глаз, одержимых лихорадочной торопливостью, растерянные люди с наспех собранными ночью вещичками, устремленные из Москвы к загородному шоссе, к железным дорогам на восток — в направлении Волги, Куйбышева, Горького, Казани, куда немедленно эвакуировались в тот день некоторые заводы и учреждения; вымершие западные окраины, только колонны рабочих батальонов на булыжных мостовых, гулкий звук шагов, военные команды, хруст палой подмороженной листвы, грузный стук артиллерийских колес по булыжнику, изредка дробное перекатное погромыхивание обозных повозок; последние деревянные домишки, сараи, осеннее поле, покатое к оврагу, покрытое инеем, кристаллы блестят в жесткой стерне; военные сутулые «эмки» на шоссе, правее поля, и низкое небо, неприютно набухшее студеной зимой, снегом, на западе как бы ограниченное черной полосой дальних лесов, откуда надвигалось на Москву смертельное, страшное, чужое, о чем никто не мог даже подумать еще неделю назад, надеясь на какую-то особую, вдруг вступившую в действие силу, способную задержать, разбить немецкую мощь.

И весь этот пасмурный день и все увиденное ими было бесконечным и кратким, подобно времени между отчаянием и надеждой, и все это было Москвой взбудораженной, прифронтовой, новой для них, возбуждающей приближенной вплотную опасностью, ожиданием главных событий, до конца неясных, как бывает в истории в моменты поворота многих судеб, перед угрозой неизвестности.

Кто-то сказал им, что в районе Арбата работают продуктовые магазины, и они дважды прошли через арбатские переулки в поисках открытой булочной или гастронома. Однако везде висели на дверях замки, витрины были заложены деревянными щитами, в одном месте разбитое стекло валялось грудой осколков на тротуаре под вывеской ювелирного магазина, из пролома тянуло мрачной пустотой, как из заброшенного помещения, но манило, влекло заглянуть туда, в нежилой каменный холод, где, видимо, прошлой ночью совершилось преступление. Арбатские переулки были тихи, мертвы, их продувало осенью, клочки газет, обрывки афиш несло мимо заборов, волокло по асфальту, собирало бумажным мусором вокруг фонарей, подле закрытых парадных ампирных особнячков, украшенных выгнутыми мускулистыми торсами кариатид, так же неустанно подпиравших плечами балконы, как и сто лет назад... И тут, за углом переулка, в малозаметном подвале без вывески, они, уже потеряв уверенность найти магазин, обнаружили по запаху пережаренного мяса чудом работающую шашлычную, обрадованные, опустились в шумный, душный, задымленный табаком зал, до отказа переполненный военными и гражданскими. Здесь маленькие окошки под сводчатым потолком запотели от спертого воздуха, сюда едва просачивался серый октябрьский день, в табачном чаду лампочки

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38—44.

светили туманно, пьяные голоса скопленно ворочались в каменных стенах подвала,— и над всем этим плыл запах подгорелого шашлыка, так головокружительно ударивший в ноздри, что оба сглотнули слюну, предвкушая, как аппетитно вопьются зубами в кусок сочного мяса.

С трудом нашли место в закутке зальчика вблизи дверей на кухню, откуда шел луковый дух и то и дело выбегали, распространяя с железных блюд острые ароматы, два немолодых официанта с озабоченными лицами, в грязных передниках, надетых поверх ватных брюк. Илья панибратским решительным жестом остановил в проходе и подозвал официанта, быстро заказал двойные порции, к ним по стакану красного вина («какого-нибудь портвейна или сухого»), и в предвкушении шашлыка, голодные, они закурили, разглядывая подвал и соседей за столом. Молоденький распаренный паренек, беловолосый, конопатый, как сорочиное яйцо, распахнув на груди просторную, не по росту телогрейку, доедал с нескрываемым наслаждением соус в железном блюде, макал корочку черного хлеба и при этом зажмуривался, звучно обсасывая хлеб маслеными губами. Рядом с ним механически работал бульдожьими челюстями глыбообразный человек, его запухшие угрюмые глазки были неотрывно прикованы к одной точке на столе, под локтем была крепко придавлена потертая меховая шапка.

— Обрати внимание на этого шпендрика,— сказал Илья, бровью показывая на белобрысого паренька.— Видишь, как наворачивает? Чавкает наверняка лучше, чем музыку сочиняет. Мне нравится его завидная энергия!

— А что? Я тебе мешаю разве?— чутко услышав слова Ильи, белобрысый паренек снизу глянул светлым, детским взором, стал смачно облизывать край тарелки.— А если я голодный! А если я жрать хочу!— задиристо заговорил он, принимаясь обсасывать поочередно пальцы.— Я два дня как следовает не ел, а я тоже человек. Без талонов никуда не сунешься. А я не московский, а родных здеся никого!

— Ты что — приехал в Москву?— спросил Владимир, удивляясь этому задиристому «а».

— А я из Калуги. Рванул в столицу, когда немцы подошли. Бабка осталась одна, старенькая, ветхая. Не пошла со мной: «Некуда, говорит, мне идти, окромя земли сырой». А я дал ходу, когда фашистские танки в центре города стреляли. А на шоссе меня стариканистый красноармеец в полуторку посадил, а потом я пешком: сам чапал и чапал до самой Москвы. Четыре дня я тут...

— Молодец! Ты хорошо букву «а» знаешь!— одобрил Илья и со снисходительным дружелюбием протянул раскрытую пачку роскошных папирос «Пушки», по баснословной цене купленных сегодня с рук около метро.— Прошу, маэстро из Калуги! Куришь?

— Не-к,— отказался паренек, мотнув светлыми волосами на лбу.— Глупостью не занимаюсь. И тебе не советую.

— Ох, ты!— воскликнул Илья.— Ну и дурак, если советы даешь.

— А ты сроду так!— неожиданно взъерошился паренек, и его ясные глаза, приготовленные к обороне, заморгали.— Чего ругаешься, как старый козел? Я тебя не трогаю, и ты меня не трогай!

— Молодец!— опять одобрил Илья.— Вроде злиться умеешь. У вас все такие калужские? Четыре дня в Москве, а культурка у тебя слабенькая, руку вон по локоть в рот засунул и чавкаешь просто музыкально. Прелесть! Как звать-то тебя?

— Сам прелесть! Ну, если Ваня, тогда что?.. Небось, две ночи поспал бы на полке в вашем нивермаге, то враз узнал бы, что музыкально, а что бабально! Подумаешь, учитель какой!— заговорил паренек обиженно и вытер облизанные пальцы о колени под столом.— На вокзале ночевал под лавкой, так чего ж — к утру убег: холодом пробирает и документы без конца проверяют, гонют на улицу — и все! А какие у меня документы, ежели я беженец? А два раза в комендатуру забирали. То нсь сам я просил, чтобы меня взяли и — к начальнику. Чтоб объяснить: в армию, мол, направьте, туда хочу. А они: какая армия, когда шестнадцать годков, двух лет не хватает, и — шасть меня в эшелон к вакуированным, в Казахстан куда-то... Ну, я деру, больно мне надо вакуироваться еще, детей у меня навроде нет, а бабка в Калуге осталась, двигаться ей некуда. Иду вчерась по Москве, жрать хочется и настроение хуже губернаторского, соображаю: чего-то делать надо, иначе все одно вакуируют. А смотрю: по улице бойцы с винтовками поют: «Украина золотая, Белоруссия родная», а усатый старшина сбоку петухом чапает, а сам лицом строгий, а ножки в хромовых сапожках, тоненькие, ровно спички. Я думаю: пристроюсь сзади, может, никто не заметит, в ватниках тоже кое-кто в строю есть. Пристроился, песню стал горланить со всеми, дошел аж до самой казармы. А там во дворе проверять и выкликать по списку начали. Ну, старшина на спичках таращится, таращится в мою сторону, потом ко мне подчапал, усы растараканил: «Кто такой? Откуда? Не наш? Прошу покинуть посторонних строй!» И — от ворот поворот. Иду и думаю: неужто на вокзале опять под лавкой ночевать? А тут около театра вашего, самого большого, какие-то парнишки через дорогу зашмыгали и почему-то мне крикнули: «Айда!»— вроде за своего приняли. Я — за ними. В нивермаге вашем центральном двери открыты, никаких замков, а продавцов нет и народу никого. Мы с ребятами на какой-то этаж тихо забрались, где материалу всякого — уйма, вагон и маленькая тележка! Один парнишка, из Можайска беженец он оказался, и говорит: «Мы не воры, мы спим тута. Ты, грит, рулон с шерстью или валюром раскатай, завернись в него и дрыхуна заводи, в рулоне тепло будет!» Две ночи там прочевал, как кум королю. А вчерась всех нас — взашей!..

— Положеньице,— хриплым голосом сказал глыбообразный человек с большим лицом, не отводя сумрачных щелочек глаз от одной точки на столе, а челюсти его продолжали по-бульдожьи двигаться с заведенной однообразностью.

Все трое посмотрели в его сторону, но тот не обратил на них никакого внимания, механически бросил в рот кусочек черного хлеба и, тупо пережевывая, выдавил тем же охриплым голосом:

— Положеньице...

— Это верно,— вздохнув, согласился белобрысый паренек.— Положение мое хуже телячьего. А что делать?

— Ночной горшок купить,— насмешливо сказал Илья.— А что еще? Эвакуироваться тебе надо с каким-нибудь детским садом. В армию? Не-ет, не возьмут, друг мой Ваня. Два годика на горшочке посиди.

— Опять? Опять дразнишься?— встрепенулся Ваня и возмущенно заморгал белыми ресницами.— Ты меня за что же так не уважаешь? Морда моя не по нутру тебе?

— Ну, перестань, Илья, подначивать! С какой стати?— сказал Владимир, невольно защищая Ваню, но при его словах («Морда моя не по нутру тебе») не сдержал смеха, и этот смех, заразивший Илью и следом самого паренька, произвел странное действие на глыбообразного человека с застывшим взглядом.

Он прекратил наконец работу сильных челюстей, осмысленно поглядел вокруг, и его большое, с красными жилками лицо перекосилось.

— Чего ржете, жеребцы? Чему такому радуетесь?— выговорил он злобно.— В башках свистит? Подумали бы своими балбешками!— Человек постучал прокуренным заскорузлым пальцем себя по лбу.— Подумали бы, что с вами-то будет, если немец Москву возьмет? Чего хохотаете бестолку, когда плакать надо! О матерях бы своих подумали!..

Нет, они не думали ни о матерях, ни о чрезвычайности положения на фронте, ни о крайних обстоятельствах в Москве, не верили в то, что угроза велика и смертельна, не представляли, что враги могут войти в город, стать хозяевами всех этих знакомых с детства улиц, трамвайных перекрестков, Садовой, Красной площади, Арбата, улицы Горького, Нескучного сада, замоскворецких переулков, знаменитых летом цветущими липами, прохладными задними двориками с сараями и голубятнями... Они не только не могли представить все это в подчинении враждебной чужой силе, но, еще не испытав до конца гибельного страха, защищенные неутраченной верой юности, едва терпели сомнение в других, презирая и отвергая слабость как трусливое малодушие.

— А вы неужели думаете, что немцы Москву возьмут?— спросил Владимир и переглянулся с Ильей, который не спеша курил, выражая позой ленивое хладнокровие.

— Много паникеров развелось, — проговорил Илья, ни к кому не обращаясь.— И все ноют и ноют. Несмотря на приказ коменданта Москвы генерала Синилова — нытиков, шептунов и дезертиров расстреливать на месте.

— Значит, так — издеваетесь, сопляки, герои лопоухие?

Глыбообразный человек, лилово багровея, засопел, сомкнутые бульдожьи челюсти перекатывали жесткие бугры желваков — нечто угрожающее, темное проступало во всем его громоздком облике, и оробевший Ваня вскрикнул тенорком, предупреждая неблагоразумное столкновение:

— Чего вы, дяденька хороший, закраснелись, ровно рак вареный? Вас никто не трогает, и вы сидите, ежели одни слова говорят! Интерес есть — с нами побеседуйте, умное дело скажите, а мы послушаем человека взрослого!

— Ух вы, зелень садовая, ух вы, ухари ученые, спасу от вас нету!— заухал, задвигался на стуле глыбообразный человек, охлажденный, однако, уважительным вступлением Вани, и заговорил трубным голосом:— Да вы что — от сиськи, грудные? В Москве разные шкуры сломя голову на вокзалы табунами бегут, а вы — не кумекаете? Во где паникеры! Во кого расстреливать надо! В шесть рядов на Садовой пробку из машин устроили, все в Горький и Куйбышев рванули!

— Эвакуация,— вставил Илья с наигранной бесстрастностью.— Что поделаешь...

— Ох ты, умница чертова! Кому эвакуация, а кому и навар жирный под большой шумок! Наш-то бухгалтер с кассиром за зарплатой в банк поехали, да только их собачий дух и видел, и нетути обоих с мешком денег, вот тебе и... Завод второй день без материалу стоит, зарплата панихиду богу заказала, дураков уму поучила, а бухгалтер наш, Семен Борисыч, небось, уже в Горьком чай с водочкой на казенные рабочие денежки распивает. И нету ему дела, дает завод противотанковые гранаты или не дает. Во тебе — что делает твоя эвакуация! Понять — хрена с два поймешь!..

Глыбообразный споткнулся на слове, выкатил кровяные глаза на дверь кухни, распахнувшуюся с треском, откуда из-за толстой засаленной портьеры выскочил пожилой испуганный официант в грязном переднике, задохнувшимся криком напрягая жилы на шее:

— Граждане! Воздушная тревога! Граждане! Тревога!..

— Чего, чего? Зачем так кричишь несуразно?— послышались вокруг голоса.— По радио передавали? Или причудилось?

Шум говора начал постепенно стихать в подвальчике, головы поворачивались к пожилому официанту, затем произошло быстрое движение у входной двери, несколько человек один за другим выскользнуло наружу, сумятошно затопали бегущие ноги по каменным ступеням вверх, промелькнули по тротуару мимо окон, и кто-то за соседним столом с опаской сказал:

— Вот дурье! Куда от смерти бежать-то?

— В метро «Арбатское» кинулись ребятки.

— Как они часто налетать стали. Впрочем, от Можайска «юнкерсам» несколько минут лету! С Можайского аэродрома и летают.

— А здесь не хуже твоего метро! Глянь, потолок бетонный, как в бомбоубежище! Ниччего! Вы-ыдержит!

— Какую? Пятикилограммовую или тонную? Остряк, спина в ракушках!

— А на кой, скажи, убегать? Можно и компанией культурно пересидеть. Хуже смерти ничего не будет!

— Эх, бегать по тревогам остохренело!

— Что ж делать будем? Сидеть?

— Ты чего стонишь, как стеклянный?— озверело закричал из угла подвала не официанта, который с худым, обросшим щетиной лицом растерянно озирался на столы.— А ну, неси свой шашлык, жареную подметку, пока всех нас не разбомбило! Давай бегом!..

И официант попятился к кухонной двери, для чего-то вытирая пляшущие руки о несвежий передник, спиной запутался в портьере, стал снующими локтями отбиваться от нее, прорываясь на кухню под нервный и подстегивающий хохоток за столами. Илья снисходительно сказал:

— Трусишка зайка серенький...— И тут же крикнул вслед официанту с негодованием:— Послушайте, товарищ, мы подыхаем с голоду! Сколько можно ждать?

— На каких таких основаниях разоряешься? Зачем голос подымаешь, вроде как взрослый?— в сердцах одернул его глыбообразный.— Это он трусишка? Да у него, может, детей мал мала меньше! Все герои, когда на морде пол-уса выросло. Легко грудь выгаращивать, когда за спиной пустенько — ни жены, ни детей! Ну, мальцы, мальцы! Нюхали вы, что такое семью прокормить? Геройство у вас в башках? Война навроде игрушки! Вот как игрушечки противотанковые делать по тринадцать часов!— Он показал Илье большую, покрытую буграми коричневых мозолей правую ладонь, договорил: — Вот этой бы кувалдой бухгалтеру всю шею пооблома! Так что, герои, здесь подвиги совершать будете? Или в метро, по-умному?

— Умираем с голоду,— сказал Владимир, преодолевая молчание Ильи.

— А что? Я поел, пузо трещит,— деловито заявил белобрысый Ваня.— Мне ваша кумпания не очень подходит. В метро хоть погреюсь. А в подвале — закоченеешь, не топят.

— Айда, сопляк!

Глыбообразный сорвал со стола примятую меховую шапку, а когда двинулся к выходу, оказался не очень великого роста, но неимоверно широким в плечах и шее, растоптанные кирзовые сапоги остервенело забухали по цементному полу рядом с цапельными шажками худенького Вани. Дверь захлопнулась за ними, после чего кирзовые сапоги твердо прошагали мимо окон, позади порхнули тонкие парнишкины ноги, и тотчас (Владимир еще не успел оторвать взгляд от окна) пожилой официант с необузданной дикостью выскочил из рванувшейся вбок портьеры и, опахивая духом пережаренного лука, подгорелого мяса, со звоном раскидал металлические тарелки на их столике, поставил два стакана красного вина. Илья засмеялся от восторга, воскликнул: «О! Рубанем!» — и предвкушенно понюхал воздух, изображая пришедшее, наконец, блаженство, подхватил оловянной раскоряченной вилкой кусок облепленного луком мяса, впился в него зубами.

«Значит, воздушная тревога?» — подумал Владимир, злясь на себя за то, что, очевидно, больше, чем Илья, был встревожен застылой тишиной на улице и понемногу затихшим галдежом в подвале, но при появлении тарелок на столе он (с видом лихого завсегдатая) взял скользкий холодный стакан и, хотя всякое вино было ему тогда противно, отхлебнул храбро глоток красной жидкости, имеющей мерзкий вкус морозного железа, сказал: «Здорово» — и принялся за шашлык, захрустевший на зубах пахучей подгорелой корочкой.

В следующую минуту стаканы на столе подпрыгнули, расплескивая вино, задребезжали тарелки: под окнами и, казалось, в двух метрах за дверью, бешено зачастили, зазвенели, оглушающе захлопали удары зенитных орудий, металлически отрывисто, торопливо забили пулеметные установки. Но сейчас же обвальным громовым раскатом толкнуло, закачало землю, электрический свет в подвале сник и погас. С отпотелого потолка дождевой дробью посыпались крупные капли, зашлепала по столам штукатурка, кто-то сдавленно сказал: «На Кремль... сейчас еще бросит...» — и все замерли. А над головами маятниками качались на шнурах погасшие лампы, и лица, ставшие известковыми, недвижно застыли, поднятые к потолку. Потом они начали покрываться мутным жирным блеском, в ужасе ожидая внезапное разверзение его бетонной плоти, пробитой упавшим с неба железным и смертельным бревном многотонной бомбы.

Владимир почувствовал мерзкое потягивание в животе, уже испытанное во время бомбежки на переправе под Можайском, но это еще было алчное любопытство к самому себе, к выражению чужих глаз, к смертному ожиданию в многолюдности подвала («Нет, нет, ничего опасного не произойдет сейчас, не должно произойти»), и, угнетаемый неприязнью к этому кислому запаху нечистой одежды скученных людей, к жирному поту на их лицах, к запаху предсмертного ужаса, он взглянул на Илью и прокричал ему, отчаянно веселея от собственной решимости:

— Пойдем! Посмотрим на улице!

Илья, вытаскивая вилкой из стакана с вином кусочек штукатурки, ответил готовым к действию взглядом, незамедлительно отсчитал трешками деньги, поискал глазами пожилого официанта, однако не нашел его, сунул деньги под край дребезжащей тарелки с недоеденным шашлыком и, подымаясь, сказал притворным голосом балаганного шутовства:

— Граждане уважаемые, по теории вероятности бомба сюда не упадет! Доедайте свои шашлыки спокойно!

Несколько испуганных окликов рванулось им вслед от крайних столов: «Эй, пацаны! Назад!» А когда открыли тяжелую подвальную дверь и перешагнули порог, оглушенные грохотом зенитного огня, беглой стрельбой близких орудий, захлебывающимся стуком крупнокалиберных пулеметов, тугими хлопками воздушных разрывов, они сразу натолкнулись здесь, за порогом, на человека в пальто, с красной повязкой дежурного, который выглядывал из-под железного навеса, задирая голову, прижмуриваясь, как при ослепительном свете.

— Что? Нельзя! Куда-а?— закричал человек, оскаливая зубы, и оттолкнул их к дверям.— А ну, здесь стойте! Туда нельзя, нельзя! Не видите — центр бомбит! Пропустили его, заразу!..

Отсюда, из-под навеса, они видели часть улицы, голые тополя за каменной оградой, видели часть неба над крышами, повсюду изрытого черными и снежно-белыми пробоинами в тучах, частым звездообразным сверканием, и везде как будто сыпалась в высотах морозная изморось, лопаясь дымами, разбрызгиваясь рваным огнем, и все, что отсюда было видно вверху, было прошито в разных направлениях трассами зенитных пулеметов, которые сходились, рассыпались веером, отталкивались, скрещивались, шагали по небу, щупая где-то посреди распадающихся звезд и комет невидимую цель. Бесконечные пунктиры трасс стремительно уносились с земли, пронзали первые этажи туч и дальше уплывали такими медленными рубиновыми огоньками в небесных высотах, что невозможно было оторваться от запредельных подвижных огненных конусов, от этой зловещей и неестественной иллюминации над городом. И, заглушенный треском, звоном, грохотом неистового фейерверка, чужой булькающий звук едва пробивался оттуда, нес в поднебесье тугую железную тяжесть, выделяясь угрожающим присутствием среди этого обезумелого и оглушительного ликования звездного дождя, вспышек, уплывающего за пределы пунктирного света. И хотя слева распространялось меж дальних крыш бледно-лиловое зарево, хотя там горело небо и снизу все сильнее набухало сочной багровостью, Владимир не испытывал выворачивающего душу страха, точно бы веря в свое бессмертие и бессмертие людей, и чувствовал, как вся эта зловещая красота, разыгравшаяся скачками, параболами, пульсированием светового хаоса, странно завораживала его.

Было удивительно и то, что позднее, на фронте, сполна познав утраты, случайность и липкий страх, он порой ночным затишьем, поверяя часовых, вставал лицом к зареву, залившему горизонт, подолгу смотрел на него, как смотрят на закат, и в том зареве был мир, тихие сумерки, запах акации.

Тогда, в Москве, Владимир не знал и не задумывался, откуда шла эта неведомая власть над ним — из глубин инстинктов или бездны биологической защиты, не позволяющей до срока осмысливать возможность собственной беды и собственной гибели в беде и смерти другого, но его переполняло ощущение победного и вместе с тем веселого буйства зенитного огня, и он возбужденно сказал Илье:

— Черт возьми, вот красотище-то!

— Н-да,— неопределенно сказал Илья, глядя вверх, на железный навес, по которому дробно стучало, скребло и карябало.— Осенний карнавал в парке культуры и отдыха. Только смотри, какие красивые штуки с неба сыпятся!— Он подхватил со ступеньки длинный осколок зенитного снаряда, зазубренный кусочек серого металла, упавший сюда с покатого навеса.— А знаешь, Володька, угодит такая штучка с верхотуры на голову, укокошить может дуриком. Вот тебе и получится: от своего осколка пострадал.

Владимир потрогал и пощупал осколочек, еще не потерявший тепло, заостренными краями колющий пальцы, осмотрел его с интересом человека, нашедшего крупицу космического тела, сказал не без сожаления:

— Зениток много, но почему не собьют ни одного?

— А тебе, парень приятной наружности, никак невдомек, что значит сбить «юнкерс»...

Дежурный, не досказав фразу, вскинул глаза к небу, точно молитвенно вслушиваясь взглядом в неутихающее над головой безумие, а там, откуда-то из невидимых воздушных тоннелей, из закоулков высот сорвался и на всей скорости отвесно помчался к земле трамвай, стал падать все вниз и вниз по сумасшедше визжащим рельсам, так пронзительно впиваясь в воздух этим визгом, скрежетом, воющим звуком гигантского металлического тела, что острая жаркая боль всверлилась в уши от накрывавшего землю дикого звука.

Отвесные рельсы оборвались над крышами — трамвай, уже кувыркаясь, несся к земле, без скрежета колес по рельсам, железный визг достиг предельного неистовства, потом огромное тяжкое глухо ударило в землю, затрясло ощутимым колебанием цементный пол под навесом подвала, и ураганный грохот позади домов землетрясением качнул улицу. Разрыв ослепил вылетом огненного смерча, поблизости зазвенели, разбиваясь, стекла, ветер поднял в воздух жестяные листья, клочки афиш, обрывки газет с мостовой,— дохнуло железистым нутряным теплом, как будто земля разверзлась вокруг Арбата.

И Владимир, отброшенный к ступеням ныряющим сотрясением пола, увидел пустынный ужас в обмершем взгляде дежурного, бледное, злое лицо Ильи, обращенное на стену соседнего дома, что наискосок расползалась, разрезалась зигзагом трещины, обнажившей за штукатуркой фасада красную утробу кирпича, откуда струйками сыпалась пыль.

— Ну-у, лупанул!— сказал громко Илья и глянул на Владимира несмеющимися глазами.— Сюда б угодила, пыль от нас осталась бы...

— Не угодил,— насильно выговорил Владимир, намереваясь ответить Илье невозмутимым тоном, но вмиг исчезло зрелищное возбуждение, созданное зенитным огнем, не помешавшим немецкому самолету сбросить на центр города что-то гигантски чудовищное, прокатившееся землетрясением по всем окрестным улицам.

— Собьют гада или нет?— сказал Илья и выругался.— Куда они стреляют, дундуки?

— Тонную... кинул. В Кремль метил, а левее попал... в жилой...— шепотом сообщил дежурный, и подбородок его прыгал, и во взгляде не вытаивало окостенение ужаса, а зарево за крышами расширялось, разрасталось, огрузшие тучи багрово кипели, снизу зажженные огнем большого пожара.

— Неужели не собьют?— сказал мстительно Владимир.— Да что же?.. Почему?

А все небо по-прежнему гремело, грозно сверкало осколками, пронзалось трассами, прошивалось пулями, все изорванное гремящим металлом, сквозь который невозможно было прорваться. Но еле угадываемый булькающий гул бомбардировщика освобожденно удалялся, тихонько отползал в этом небесном раскаленном железном мешке. И явственное представление небесного мешка, забитого от земли до зенита пулеметными очередями, осколками снарядов, в горячей гуще которых отдалялось бульканье неуязвимого самолета, потом долго преследовало Владимира.

Продолжение следует.

ВЕЛИКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ

Кутузов — личность легендарная. Он в нашем сегодняшнем восприятии пребывает где-то в соседстве со Святославом, Александром Невским, Дмитрием Донским, Суворовым.

Кажется, ни в одном, даже в самом общем сочинении по истории России не обойдено вниманием имя полководца. Те или иные стороны его военной судьбы освещались порой достаточно подробно, но цельного, глубокого исследования «феномена Кутузова» в контексте его эпохи русский читатель не имел до самого последнего времени. Книга крупнейшего советского военного историка, члена-корреспондента АН СССР, генерал-лейтенанта П. А. Жилина «Кутузов» как раз и есть такой труд, необходимость в котором давно ощущалась.

С первых строк книги, вводя читателя в накаленную политическую атмосферу середины XVIII века, автор показывает, что избранная юным Кутузовым офицерская карьера была, в сущности, предопределена не только представлениями и традициями, господствовавшими в дворянской среде, но и потребностями времени.

Излагая обстоятельства жизни Кутузова, автор стремится представить не только «послужной список» полководца (что, в общем, естественно для военно-исторической монографии), не менее важным представляется исследователю дать почувствовать обаяние личности полководца. В тексте то и дело приводятся фрагменты частной переписки Кутузова — уже в самом стиле ее проступают черты оригинальности, столь свойственные Михаилу Илларионовичу. Подлинно народный характер его сказывался не только в приверженности к русским обычаям в семейном строе, в предпочтении всего родного, но и в глубоком демократизме фельдмаршала. Кутузов был подлинно «отец солдату»: никогда его требовательность не доходила до педантичности фридриховских офицеров, столь любезной могущественным поклонникам германской военной школы.

Будучи прекрасным стратегом, Кутузов «считал, что войны, связанные с защитой Отечества, войны за независимость страны должны вестись не только армией, но и народом. По его мнению, активное участие народа в борьбе с вторгшимся врагом — вполне закономерное явление, и задача полководца не отгораживаться от этого, быть может, вначале стихийно возникшего движения, а всемерно содействовать его развертыванию, опираться на него, оказывать ему помощь, умело использовать поднявшиеся силы народа для достижения победы».

Но прежде чем Кутузов стал во главе русской армии в Отечественной войне, он прошел долгий путь. Анализ тех кампаний и битв, в которых пришлось участвовать будущему фельдмаршалу, дан в книге не менее детально, чем рассмотрение событий 1812 года. Автор стремится показать, таким образом, становление полководческих принципов Кутузова, формирование его основных представлений о военном искусстве.

Долгое время он возглавлял Сухопутный кадетский корпус, причем и как военный педагог Кутузов оказался смелым новатором, подлинно творчески относившимся к своему делу. Талантливая натура его щедро проявляла себя в любой области знаний.

Повествуя о событиях Отечественной войны 1812 года, автор много места уделяет полемике с западными исследователями «русской кампании» французского императора. До сих пор в большинстве писаний буржуазных военных теоретиков и историков господствует тенденция всемерного возвеличивания Наполеона и принижения способностей и талантов Кутузова, а также русской армии вообще. Вскрывая побудительные причины такой фальсификации, П. А. Жилин доказывает, что бесконечные ссылки то на мороз, то на жару, то на голод призваны затушевать стратегические просчеты претендента на мировое господство, поставить под сомнение высокий моральный дух русского народа-победителя. Проигранная война — это проигранная война, и никакие анекдотические, по сути, объяснения (вроде наполеоновского насморка в день Бородина) не способны поколебать историческую правду. А она состоит в том, что в величайшей войне девятнадцатого столетия русский военный гений, русский боевой дух оказались решающими факторами победы над наполеоновской империей. И Кутузову по праву принадлежит слава одного из крупнейших полководцев в истории.

Книге о Кутузове суждена долгая жизнь, ибо теперь всякому исследователю биографии и военного наследия полководца не миновать в своей работе этого обстоятельного, глубоко научного труда видного советского военного историка.

Сергей ПЛЕХАНОВ

П. А. Жилин. Кутузов. М., Воениздат, 1980.

СЕРДЦЕ ПАМИРА

Более пятисот километров надо преодолеть из Душанбе на автомобиле по головокружительным серпантинам памирских дорог, прежде чем откроется взору Хорог — центр Горно-Бадахшанской автономной области.

Заурядным и малоприметным было лицо Хорога до установления здесь власти Советов. Жили здесь в одноэтажных каменных строениях без окон. С приходом новой жизни город потянулся к солнцу. В центре столицы Памира выросли многоэтажные жилые дома, комфортабельная гостиница.

— Только за годы десятой пятилетки в Хороге построено двенадцать новых жилых домов, здание областной санэпидстанции, новая типография,— рассказывает председатель горисполкома Гульбиби Мулькамонова.— Вступили в строй две новые школы, станция «Орбита-2», позволившая жителям Памира принимать телевизионные передачи из Москвы. Все больше и больше наших женщин приходят на производство, учатся в техникумах. Учитывая их пожелания, в Хороге в последнее время было построено два детских сада-яслей на триста мест, закладывается фундамент еще нескольких детских учреждений.

На снимке: в центре Хорога, у здания почтамта.

В. ЗАСЕЕВ
Фото автора

МОНГОЛИЯ — ЭТО ПЕСНЯ

А. СОФРОНОВ

ПОЛЕТ НА ХАЛХИН-ГОЛ

Так случилось, что уже сорок лет Халхин-Гол был для каждого из нас символом монголо-советской дружбы, не только чисто военной, но и человеческой, народной. Да, Халхин-Гол был всегда в нашем сознании и в сердце святыней, символом мужества...

Степи... Барханы... Пески. Небольшая река... А все вместе что-то очень большое, трудно вмещаемое в сознание. И впервые прогремевшее в 1939 году имя советского полководца Георгия Константиновича Жукова, оказавшегося в те трудные для Монголии дни там, на Халхин-Голе, рядом с маршалом Чойбалсаном, человеком широким, храбрым и добрым. Да и не сорок лет, а, если точней говорить, уже сорок один год отделяет нас от победы на Халхин-Голе.

Все эти десятилетия жил я, словно бы явственно представляя, как выглядит Халхин-Гол, не видев его никогда в жизни. После окончания встречи писателей стран Азии и Африки в Улан-Баторе я остався по приглашению товарища Ю. Цеденбала еще на неделю в Монголии. Двадцать три года прошло с тех пор, как мы, группа советских журналистов, сопровождавших Председателя Президиума Верховного Совета СССР маршала К. Е. Ворошилова в 1957 году в его поездке в КНР, Индонезию, Вьетнам и Монголию, завершая эту сложную, трудоемкую и вместе с тем интересную поездку, оказались в Улан-Баторе и познакомились тогда и с жизнью Монголии и самим товарищем Юмжагийном Цеденбалом.

И теперь мы вместе с монгольскими друзьями отправились самолетом в район битвы на реке Халхин-Гол.

Накануне выпал дождь, и, как нам сказали, придется в «газиках» проехать по степной дороге. Но, наверно, в этом и была особая прелесть — увидеть не только сверху, из окна самолета, но и на земле степное раздолье. С нами был еще и генерал Дашин Цедыб, отлично знающий военную историю; для него поля Халхин-Гола были словно бы страницами книг.

День оказался солнечный. В начале девятого мы поднялись в воздух. Самолет взял курс на восток. Легкий туман, пронизанный солнечными лучами, стлался над полями. Редкие дороги виднелись под крыльями самолета. Уже на исходе был второй час полета, когда слева показалось большое голубовато-синее озеро, дальние берега которого исчезали.

— Буир-Нур,— сказал генерал.

Скоро самолет побежал по кочковатой земле, и мы увидели пограничников и местных партийных работников. Нас встречали. Знаменитые «газики» стояли с самолетом рядом. Это было действительно наслаждение — ехать по дробной, неровной дороге, то опускающейся вниз, то снова взлетающей на холмы. Больше часа молча любовались мы широкой степью. И вдруг увидели на горе Баин-Цаган высокий острый обелиск, стрелой уходящий в небо, а рядом, чуть в стороне,— силуэт старого боевого танка, поднятого на постамент [1].

К нам подошел подполковник в погонах монгольских пограничников. На груди его сверкали ордена и медали и знак Героя МНР.

— Подполковник Тумурбатор,— представился он.— В 1939 году был здесь, на этом месте, командиром пограничной заставы, которая первой приняла бой с японскими агрессорами.

Тумурбатор, с пробивающейся проседью в волосах, но по-военному подтянутый, стоял возле танка с молодыми пограничниками. Чувствовалось, что он был у себя дома. В декабре 1938 года он был назначен начальником 6-й заставы 24-го погранотряда в районе реки Халхин-Гол. Тогда ему было 24 года.

— Вооруженные нарушения границы японцами начались с января 1939 года,— говорит он.— Советских войск еще не было. Мы давали отпор. До начала мая на участках только двух застав нашего погранотряда совершались более 30 раз вооруженные нападения силами порой до 250 человек. Каждый раз японцы шли со стороны нынешней китайской границы.— Тумурбатор показал рукой туда, где виднелись какие-то строения...— Это китайцы там... К середине мая мы соединились с советскими войсками, пришедшими нам на помощь.

— Чем же вы сражались?

— А какое на заставе оружие? Винтовки, гранатометы, пулеметы.

— Как же вы остались живы?

Тумурбатор смущенно улыбается:

— Пули не попадали.

— А сколько на заставе бойцов было?

— Тридцать.

— Кавалеристы?

— Конечно... В течение нескольких месяцев наша застава уничтожила триста японцев, мы потеряли 10 человек. Кавалерия... Вот мы так же, как воины других застав, маневрировали по фронту, нападали на отдельные группы самураев, уничтожали их. Кавалерия оказывалась в песках более маневренной, чем танки и бронемашины. Мы спешно отрывались от японских танков и броневиков, используя складки местности, быстро оказывались сзади них, нападали с тыла. Поэтому у нас потерь было во много раз меньше, чем у японцев. Нашим преимуществом было то, что мы как свои пять пальцев хорошо знали местность.

— После Халхин-Гола где вы служили?

— Все время в пограничных войсках. Демобилизовался в 1954 году, когда расформировали погранвойска, считая, что МНР оказалась в мирном окружении. Но вскоре обстановка изменилась, погранвойска были восстановлены. И по зову партии я опять стал служить в погранвойсках.

...И снова и снова сжало горло. Стало трудно дышать от всего, что увидели здесь, где рядом с пограничниками стояли юные пионеры, с таким же интересом слушавшие Тумурбатора, как и мы с литовским писателем Альбертасом Лауринчюкасом, с которым вместе прилетели на Халхин-Гол.

Но нас уже звали на другое место, к другому памятнику, поставленному в честь воинов монгольской армии и пограничных войск.

...И еще километры степной дороги. Памятники недавние, и давно поставленные, сразу после битвы. И памятники из пушечных гильз, из металлических бочек для горючего... Все они сохраняются в образцовом порядке. Всегда возле них цветы. Всегда здесь юные пионеры, неутомимые хранители и продолжатели боевой славы.

И, наконец, последняя остановка на высоте Хамар-Даба. Блиндаж командующего первой армейской группой комкора Г. К. Жукова. Все любовно восстановлено. Здесь же фотоснимки, которые являются бесценными реликвиями, символом бессмертной дружбы наших народов: Х. Чойбалсан, Г. К. Жуков, комкор-артиллерист Н. Н. Воронов, прибывший сюда из Испании.

...Голубые расщелины. Ярко-зеленая, не по-осеннему яркая трава... Серо-сиреневая полынь... Свежий ветер... Теперь здесь располагаются подразделения погранотряда, носящего имя маршала Чойбалсана.

Уже под вечер приехали мы в госхоз имени маршала Г. К. Жукова, расположенный здесь же, рядом с пограничниками. Рано утром в двухстах метрах от гостиницы увидели небольшую реку с невысокими крутыми берегами, которая и дала название победе при Халхин-Голе.

...Совсем другими глазами мы смотрели на землю Халхин-Гола, когда на другой день самолет взял курс на Улан-Батор. Оставаясь все тем же легендарным символом, Халхин-Гол был для нас тем, что принадлежало не только воображению, но уже и памяти.

...В памяти останутся и новый город Дархан, а также цветущий жизнерадостный город Эрдэнэт на севере Монголии, где коллектив горно-обогатительного предприятия «Эрдэнэт» добывает медь и молибден.

С огромным интересом мы побывали в этих новых городах, в которых дружно работают тысячи монгольских и советских специалистов.

●

Семья. * Эрдэнэт. Добыча руды.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Так начинается детство. * Монгольские пограничники у танка, сражавшегося на Халхин-Голе. * В степи. * Халхин-Гол. Памятник, поставленный в 1939 году.

[1] Здесь особо отличилась 11-я танковая бригада советских войск которой командовал комбриг Михаил Павлович Яковлев. 27 воинов его бригады были удостоены звания Героя Советского Союза. Сам комбриг Яковлев погиб смертью храбрых 12 июля 1939 года.

Река Халхин-Гол осенью 1980 года.

Халхин-Гол. 1939 год. Маршал Х. Чойбалсан и Г. К. Жуков.

В МУЗЕЕ МАРШАЛА ЖУКОВА

Всего год с небольшим назад Первому секретарю Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии, Председателю Президиума Великого Народного хурала МНР, Председателю совета обороны МНР, в то время еще генералу армии, было присвоено звание маршала.

Поздравляя товарища Ю. Цеденбала с этим событием, Леонид Ильич Брежнев писал:

«Дорогой товарищ Цеденбал!

Сердечно поздравляем Вас с присвоением звания Маршала Монгольской Народной Республики.

В Советском Союзе хорошо известны Ваши большие заслуги в обеспечении обороноспособности страны, организации активного участия Монгольской народной армии в разгроме милитаристской Японии в период второй мировой войны, всестороннем повышении боевой подготовки и идейной закалки монгольских воинов. Мы высоко ценим Ваш личный вклад в упрочение боевого содружества вооруженных сил наших государств, развитие советско-монгольского военного сотрудничества — важного фактора мира и безопасности на Дальнем Востоке.

Все товарищи от души желают Вам, дорогой друг, новых успехов в плодотворной деятельности на благо Монгольской Народной Республики, в укреплении социалистического содружества во имя торжества дела мира и социализма».

А через несколько дней, 19 августа 1979 года, товарищ Ю. Цеденбал, выступая на торжественном открытии Дома-музея четырежды Героя Советского Союза, Героя МНР Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, говорил: «С великой благодарностью вспоминая сегодня о советских и монгольских героях Халхин-Гола, мы вправе называть первым имя выдающегося сына Коммунистической партии и советского народа, прославленного полководца Великой Отечественной войны Георгия Константиновича Жукова.

Ленинская Коммунистическая партия и Советское правительство в предвоенные годы делали все возможное для предотвращения мировой военной катастрофы. Однако пламя войны начало неотвратимо расползаться по странам Европы, Азии и Африки. Оно подошло и к границам Монголии, начались кровопролитные бои и сражения в районе реки Халхин-Гол, которые продолжались целых четыре месяца. Выполняя свой союзнический долг, на помощь монгольскому народу в грозный час опасности пришел его верный друг — Советский Союз. Командующим советскими войсками на Халхин-Голе был назначен комкор Георгий Константинович Жуков, прошедший большую жизненную школу в рядах героической Красной Армии».

И дальше, вспоминая роль Г. К. Жукова в победе при Халхин-Голе, товарищ Цеденбал говорил:

«Г. К. Жуков был большим мастером введения в заблуждение противника относительно своих намерений. Так, например, в ходе отдельных операций на фронте он осуществлял ложные переброски сил и средств на сравнительно дальние расстояния, наносил удары там, где не ожидал противник. Именно подобный прием введения противника в заблуждение он с успехом применил в ходе подготовки халхин-гольской наступательной операции наших войск в 1939 году. В результате у японцев сложилось глубокое убеждение, что советско-монгольские войска собираются зимовать в районе Халхин-Гола. Это и было нужно советско-монгольскому командованию для обеспечения скрытности подготовки наступления.

Мы, монголы, гордимся тем, что на монгольской земле отчетливо начал раскрываться выдающийся полководческий талант Г. К. Жукова. Тогда в степях восточной Монголии по истечении двух тысяч лет были повторены Канны и в полном окружении наголову разгромлена крупная группировка японских сил советско-монгольскими войсками под командованием Г. К. Жукова, который уже тогда показал себя военачальником острого аналитического ума, талантом большой мощи.

Блистательная победа наших войск на Халхин-Голе явилась новым выдающимся вкладом в развитие оперативного искусства, революционным шагом в прогрессе военного дела. Следует отметить, что Халхин-Гол был первой ласточкой в триумфальном полководческом пути роста Георгия Константиновича Жукова.

Особо выдающееся значение халхин-гольской победы советско-монгольских войск состоит еще и в том, что отрезвление, наступившее у руководителей японского военного командования в результате этой победы, заставило их одуматься и отложить намечавшееся вступление в войну против Советского Союза вслед за гитлеровской Германией. В свете этого легко себе представить, как неимоверно тяжело пришлось бы Советскому Союзу, если бы тогда примерно одновременно начались военные действия против него на западе и на востоке. Но в том, что этого не случилось, велико значение именно победы на Халхин-Голе».

Заканчивая свою речь сообщением о том, что здесь рядом с домом-музеем будет водружен памятник «великому и талантливейшему полководцу Г. К. Жукову», товарищ Цеденбал провозгласил:

«Пусть крепнет и расцветает испытанная огнем и трудом монголо-советская дружба — могучая основа успехов монгольского народа в строительстве нового общества!»

И вот мы вместе с генералом Д. Цедыбом осматриваем этот сравнительно небольшой дом, в котором, как говорит справка, с октября 1939 года по май 1940 года жил со своей семьей в ту пору комкор Г. К. Жуков. Музей рассказывает о зарождении и развитии монголо-советского боевого содружества, о разгроме японских агрессоров советско-монгольскими войсками в районе реки Халхин-Гол и о совместных действиях советских и монгольских войск по разгрому Квантунской армии Японии на завершающем этапе второй мировой войны в августе 1945 года.

В музее много впечатляющих, редких, малоизвестных или вовсе не известных фотографий... Здесь же овеянные боевой славой знамена армейских частей и подразделений, участвовавших в халхин-гольских боях и Великой Отечественной войне...

Сделавшее свое дело старое боевое оружие. Телефон, чернильный прибор, шашка, пистолет и бинокль Георгия Константиновича. В музее не хочется разговаривать, хочется смотреть на стены этого дома, которые когда-то слышали голос комкора Жукова.

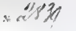
Нет, не из этого дома, а еще из степей Халхин-Гола 26 июля 39-го года было отправлено Жуковым письмо жене, в котором он писал: «Я жив, здоров. Ты наверное из газет уже знаешь сообщения ТАСС о боях на монгольско-маньчжурской границе. Ты теперь, очевидно, понимаешь, почему так срочно мне пришлось выехать из Смоленска. Тебе, очевидно, также должно быть известно из сообщения ТАСС, что японские самураи разбиты как на земле, так и в воздухе. Но враг очень хитер, и от него приходится ждать всякой каверзы. Это мы хорошо учитываем и всегда готовы на его действия ответить двойным ударом. В боях на сегодняшний день японских самураев убито не менее 1000 человек, ранено значительно больше. Сообщения ТАСС надо считать крайне минимальными. Как будут развиваться события в дальнейшем, сказать трудно. Мы готовы к полному уничтожению всей этой гадости. Вот Эрочка хотела, чтоб и папа подрался — это удовольствие сейчас испытываю. Чувствую себя в действиях очень хорошо. Короче, так, как это было в нашу гражданскую войну. Мы потерь имеем мало...

...В районе боевых действий — населенных пунктов нет, кругом степь на сотни километров и ни одного дерева. Но степь имеет также свою красоту — очень много дичи и другого зверя. Здесь очень хорошая охота. Козы гуляют прямо стадами.

Ну, пока, крепко всех вас целую много, много раз».

Улан-Батор — Москва

Самодеятельный ансамбль. * Город Эрдэнэт. * Во дворе буддийского храма. * Скалы в степи. * Молодожены. * На улицах Улан-Батора.

ПРЕДЪЯВИТЕЛЬ

сего

Студентъ Казанскаго Университета

физико-матем. фак.
Михаилъ Алексеевич
Лаврентьев

Студенческий билет будущего академика. 1918 год.

Долголетняя дружба связывала двух выдающихся ученых — М. А. Лаврентьева и М. В. Келдыша.

Вкусен суп на сибирском воздухе. Гостями Михаила Алексеевича в Золотой долине были космонавты К. П. Феоктистов, Нил Армстронг — первый человек, вступивший на Луну, Г. Т. Береговой. 1970 год.

Михаил Алексеевич Лаврентьев (одна из последних фотографий).

МЫСЛЬ СОЗИДА

К 80-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА
М. А. ЛАВРЕНТЬЕВА

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Эти фотографии мы выбирали еще при жизни Михаила Алексеевича. Они взяты из архива Сибирского отделения Академии наук, семейного альбома ученого. Теперь каждый снимок бесценен. Остановленные мгновения удивительной жизни...

Он не дожил до своего восьмидесятилетия чуть больше месяца. Умер, когда в газетах и журналах готовились юбилейные статьи, полные любви и уважения к нему, как к Человеку, Ученому, Учителю, Коммунисту, в самом высоком понятии этих прекрасных слов. Михаила Алексеевича Лаврентьева, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий, действительного члена девяти академий наук мира, любили родные, друзья, коллеги-ученые, студенты; им восхищались те тысячи людей, что избирали его депутатом в Верховный Совет страны; рабочие и инженеры заводов, где применялись его открытия; геологи и шахтеры Сибири, тяжелый труд которых облегчили разработанные ученым методы; жители Алма-Аты, столицы Казахстана, заслоненной от разрушительных потоков селей плотиной, воздвигнутой взрывом на основе математических расчетов Лаврентьева. Да разве только они? Сюда можно прибавить и хлеборобов Кулундинской степи (Лаврентьев занимался вопросами ее орошения и борьбой с засолением), и гляциологов на полярных станциях (лаврентьевская теория взрыва и тут верно служила исследователям), и многие, многие другие, в жизнь и работу которых органично вплелись его созидающая мысль, живое тепло его чистой души.

Выдающийся ученый современности, он мог бы повторить вслед за Пуассоном: «Жизнь красна двумя вещами: возможностью изучить математику и возможностью преподавать ее». Но, кроме радости творчества и глубокого удовлетворения учителя (целая плеяда блестящих ученых училась у Лаврентьева и среди них — М. В. Келдыш), ему при жизни выпало высшее счастье — увидеть в свершениях страны овеществленные плоды своей мысли. Увидеть свое главное творение, свою мечту — научный центр в Сибири...

Академики А. Ю. Ишлинский (теперь — директор Института проблем механики), М. А. Лаврентьев, Н. Н. Боголюбов (теперь—директор Объединенного института ядерных исследований в Дубне) в период их работы в Академии наук Украины (40-е годы).

Ребята из Новосибирского клуба юных техников привезли на консультацию свою машину прямо... президенту СО АН СССР.

ЮЩАЯ

Помню, как почти двадцать лет назад, прилетев в строящийся академгородок и поселившись в общежитии (комфортабельной гостиницы «Золотая долина» еще не было), я, набравшись смелости, позвонила академику Лаврентьеву вечером домой. Нет, конечно, начинающая тогда журналистка, я и не смела рассчитывать на скорую встречу с прославленным ученым, зная, как он занят. Просто хотела по телефону получить советы, с кем надо в первую очередь поговорить, а уж потом, может быть, он согласится принять меня сам. Но в телефонной трубке приветливо прогудел раскатистый бас: «Зачем откладывать? Приходите к нам домой прямо сейчас. Вера Евгеньевна накормит нас ужином. Дорогу найдете? Не замерзнете?».

А мороз был, и правда, около тридцати, валил снег. Однако найти дорогу оказалось совсем просто. Снег не успевал засыпать следы, ведущие к дому Лаврентьева, видно, и вечером Михаил Алексеевич был нужен всем — своим коллегам ученым, студентам самого молодого тогда Новосибирского университета, строителям...

Академик Лаврентьев и его жена и верный друг Вера Евгеньевна приехали сюда, когда на месте будущих коттеджей и научных институтов стояло лишь несколько бараков и этот деревянный дом, похожий больше на деревенскую избу. Приехали, чтобы наблюдать за строительством.

— Медленно строят, — откровенно говорил Михаил Алексеевич за ужином. И, смеясь, вспомнил, как бывало, пока не организовали специальную комиссию, местные руководители забирали стройматериалы, присланные Сибирскому отделению.—С одним я крепко поспорил, он не удержался и говорит мне в запальчивости: «Да, забрали мы твои машины и материалы. Не знаю, за какие грехи тебя сюда прислали, но если дело твое стоящее — тебе дадут еще, а если нет — значит, мы правильно поступили».

Академик Лаврентьев подробно рассказал о том, почему, несмотря на трудности, крупный научный центр надо создавать именно здесь, и какие огромные перспективы раскрывает это перед Сибирью. В истории науки тогда еще не было центра, в основе создания которого лежит принцип комплексности. Сибирское отделение Академии наук СССР стало первым таким центром.

Теперь, спустя почти четверть века, всем ясно, как оправдал себя этот принцип...

Потом я не раз приезжала в город науки на берегу рукотворного Обского моря. И Михаил Алексеевич никогда не отказывал в статье или интервью для «Огонька». Он считал, что надо больше рассказывать о строительстве нового центра науки, о работе ученых, их трудностях и успехах. Задолго до приезда в Сибирь он стал уже всемирно известным ученым, преподавал в Московском университете, вместе с академиком П. Л. Капицей создал знаменитый физико-технический институт, вел исследования в Математическом институте имени Стеклова и в ЦАГИ, избирался вице-президентом Академии наук УССР. И везде, где он работал, трудятся сегодня ученики академика Лаврентьева. Вот и в Сибири, еще не закончив строительства научных институтов, он занялся поисками талантов, подготовкой новой научной смены.

— Обычно при приеме в университет трудно выяснить, действительно ли поступающий имеет настоящий интерес и способности, или только его хорошо подготовили к экзаменам, — говорил не раз Михаил Алексеевич. — Это ставит в неравные условия молодежь из деревни и из крупных городов, где уровень преподавания, естественно, выше. На этом мы теряем много талантливой молодежи. Где же выход? В расширении связи высшей и средней школы. Поэтому-то мы и предприняли, так сказать, «экспедицию за талантами» — организовали первую Всесибирскую школьную олимпиаду. Победителей третьего тура приняли в наш новый университет, а ребят помладше — в школу-интернат.

— А кому первому пришла в голову мысль создать такую школу? — спросила я тогда.

— Не нам — Ломоносову, — быстро ответил Лаврентьев. И процитировал: «При Университете необходимо должна быть Гимназия, без которой Университет, как пашня без семян... Здесь следует воспитывать более нежный возраст, преподавая школьные предметы так, чтобы вышедшие оттуда были способны приступить к занятиям высшего порядка в Университете».

У Михаила Алексеевича при его чудовищной нагрузке как ученого и руководителя хватало сил и времени вникать во все стороны жизни «фымышат», как ласково называли ребят из физико-математической школы все в академгородке.

— Следует больше отпускать денег на содержание ребят в интернате — ведь усиленная умственная работа требует калорий не меньше, чем физическая нагрузка. В спортивных школах, например, нормы питания выше, — говорил академик.— Нельзя заботиться о будущих футболистах больше, чем о будущих ученых. Это не государственный подход.

И еще не могу не вспомнить слова Михаила Алексеевича о том, какими качествами должен обладать ученый. Прежде всего огромным трудолюбием, умением ежедневно работать по 14—16 часов. Ибо только обыватели считают, что гениальные идеи озаряют ум случайно. Новые идеи рождаются в муках, как следствие напряжения подготовленного к открытию ума.

Михаил Алексеевич Лаврентьев всегда подчеркивал, как важен для ученого энтузиазм, который не позволяет исследователю пасть духом, когда приходится убеждаться, что сделанное — ошибка, и начинать все сначала. Но главное качество — требовательность к себе, абсолютная честность, даже когда твое мнение как исследователя зачеркивает годы труда, и твоего, а иногда и чужого, не совпадает с тем, чего от тебя ждут. Лаврентьев был беспощаден к тем, кто жил по принципу «чего изволите», кто мнения начальства ставил превыше научной истины...

В последний год Михаил Алексеевич по-прежнему много работал, правил гранки своих книг. В журнале «ЭКО» печатались его воспоминания — «Опыты жизни». В издательстве «Молодая гвардия» скоро выйдет книга «Прирастать будет Сибирью» в литературной записи его ученицы, кандидата технических наук Н. А. Притвиц, той самой Наташи Притвиц, шутливые песни и стихи которой о жизни ученых в «Золотой долине» исполнялись на капустниках и юбилеях. Я и сейчас помню теплые строки о добром и гостеприимном доме Лаврентьевых, «где хоть незваный, хоть нежданный, всегда ты будешь гость желанный, где долго в окнах свет горит, и долго музыка звучит... где скучных церемоний светских, по счастью, и в помине нет, и где Лаврентьев просто Дед».

Последней книгой, вышедшей при жизни Михаила Алексеевича, был сборник «Наука. Технический прогресс. Кадры» в Сибирском отделении издательства «Наука». Сейчас эта книга о романтике поиска, о подготовке молодежи, об укреплении связей науки и производства звучит как завещание ученого.

Ответственный редактор сборника, ученый, много лет проработавший в Сибирском отделении, глубоко и нежно любивший Михаила Алексеевича, академик Г. И. Марчук, председатель Государственного комитета СССР по науке и технике, сказал об академике Лаврентьеве: «Он принадлежит к людям, имя и дело которых составляют гордость народа, его золотой фонд». Сказал при его жизни.

Сергей **САРТАКОВ**

СВИНЦОВЫЙ МОНУМЕНТ

РОМАН

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

15

Юрий Алексеевич с Янишем поздравляли Андрея с принятым решением. А он сидел, угрюмо сдвинув брови, медленно помешивая в стакане чай хорошей, крепкой заварки, поставленный перед ним Полиной Игнатьевной.

— Все же что-то тебя, Андрей, беспокоит. Вот как мне эта штука режет под мышками,— сказал Яниш, снимая генеральский мундир и вешая его на спинку стула.— Через что-то перешагнул ты сейчас с очень большим усилием. Мог бы ты нам это объяснить? По-дружески, откровенно. Хотя мы с Юрием Алексеевичем все равно обратного хода тебе не дадим.

— Позвольте лучше мне,— вмешался Юрий Алексеевич,— на полной откровенности ответить за нашего молодого друга. Ибо к его настроению косвенно, а пожалуй, и очень прямо, причастен именно я. Альфред Кристапович, все дело в том, что Андрею Арсентьевичу попросту непереносимо тяжело оказаться посторонним жильцом в чужой квартире. Отдельная комната — комнатой, а все же он и не гость и не хозяин. Он будет углублен в свои заботы, я — в свои, встречаться же, как сейчас, в опекунских владениях Полины Игнатьевны, присутствия которой также Андрей Арсентьевич пока весьма стесняется, придется нам за чаем повседневно. Ну и вот, несходство возрастов, характеров, привычек... Я вас, Андрей Арсентьевич, не обидел своей откровенностью?

— Нет, нет, ничуть. Все верно,— отрешенно вымолвил Андрей. Он задумался совсем о другом. Хотя и слова Юрия Алексеевича тоже были вполне справедливы.

— Так я и еще продолжить могу,— заявил Яниш, щедро посмеиваясь.— Вся квартира Юрия Алексеевича заботами Полины Игнатьевны светится, как стеклышко. На стенах — превосходные полотна превосходных мастеров. В миниатюре здесь торжественный храм искусства. Только органной музыки не хватает. На рабочем столе Юрия Алексеевича идеальный порядок. Стопы книг, стопы бумаги. И ангелы творения тихо и незримо витают над его головой...

— Черт возьми!— восхищенно сказал Юрий Алексеевич.

— Но между тем в этой высветленной квартирке есть и кухня, куда Юрий Алексеевич редко заходит, и чуланчик, куда он вообще не заглядывает, а теперь возникнет в доме и еще одно местечко, нечто подобное и кухне и чуланчику одновременно — обитель Андрея Арсентьевича. Устоявшаяся гармония пространства нарушена. К запахам поджаренного лука из кухни Полины Игнатьевны присоединяются запахи красок из кухни Андрея Арсентьевича. С грудами хлама, заполняющего чуланчик Полины Игнатьевны, соперничают груды хлама, образующегося в чулане Андрея Арсентьевича. Ангелы творения не знают, над чьей головой им теперь следует витать.

— Ну уморили, Альфред Кристапович,— всхлипнул от восторга Юрий Алексеевич.— Мне бы до такого никогда не додуматься!

— И мне тоже,— признался Яниш.— Тут я просто прочел мысли Андрея. Уловил и вопрос, заданный им самому себе в конце таких размышлений: имею ли я право злоупотреблять отзывчивостью других?

— Фу, какое слово: «злоупотреблять»! «Зло...» — поморщился Юрий Алексеевич.— Да и «отзывчивость». Сие последнее весьма смахивает на благотворительность. А у нас с первого знакомства с Андреем Арсентьевичем установились, как мне кажется, отношения полнейшего взаимопонимания.

— А это разве исключает возможность и право самому себе задавать такой вопрос?— заупрямился Яниш.

— С непременной обязанностью тогда и ответить на него вслух. Что вы скажете, Андрей Арсентьевич?

— Я уже ответил,— в прежней рассеянности проговорил Андрей.— Все верно.

— Вот вам, пожалуйста,— развел руками Яниш,— не ангелы творения над его головой, а сам художник витает в пространстве. Андрей! Ответ-то не по существу.

И, попросив у Полины Игнатьевны еще стаканчик самого-самого крепкого чаю, под поощрительную улыбку Юрия Алексеевича Яниш стал последовательно развивать строго логическую цепь своих рассуждений, до этого высказанных в шутливой форме. Теперь уже вникая в серьезный смысл разговора, Андрей опять во всем соглашался. Потому что приступить к коллективной работе над грандиозным атласом «Фауна и флора СССР», да к тому же и постоянно сотрудничать с Детским издательством значило жить в Москве, а жить в Москве значило надолго поселиться у Юрия Алексеевича. Иных возможностей не было.

Но жить в общей казарме, где в ряд стоит по нескольку десятков кроватей; находиться в госпитальной палате среди таких же раненых, как ты; остановиться на несколько суток в гостинице, деля ночлег в номере на двоих со вторым постояльцем; получить маленькую комнатку для себя и своей мастерской в коммунальной квартире — все это было решительно не схоже со вторжением в этот «миниатюрный храм искусства», как назвал Яниш просторный дом Юрия Алексеевича. Андрей чувствовал себя здесь мышонком, забравшимся в пещеру льва.

И не только это сейчас томило его и вгоняло в рассеянность. Он не мог представить себя оторванным навсегда от родных мест. Уж не приедет сюда погостить — нет, не приедет — мать из Чаусинска. Не посидит и он, Андрей, в пьянящем аромате хвойного леса, над широкой Ангой, рассекающей пополам Светлогорск, добрый город, так много значивший в его судьбе. Не позвонит он запросто Алексею Седельникову, сделавшему больше всех других, чтобы прочно поставить его на ноги. А главное, не забежит в его мастерскую, в его тесную комнату Ирина, не станет мягко, но властно сортировать его рисунки, одни как бы стирая вовсе с листа бумаги, в других отыскивая малые огрехи и заставляя художника, до исступления заставляя, их исправлять.

Ему будет не с кем спорить и ссориться на самой честной дружеской основе, двоим, яростно убежденным, что пределов совершенству в искусстве нет и нет пределов стремлениям художника достичь такого совершенства; не ради славы — вот тут всегда с Ириной бесконечный спор, а ради долгого следа на земле, оставленного твоей работой.

Почему он уехал из Светлогорска, не поговорив с Ириной? Неправда, что для этого не нашлось времени. Была непонятная, неосознанная боязнь встречи с нею. И три недели, которые до этого дня он провел в Москве, позволяли написать ей письмо и получить ответ. А он не написал, хотя не думать о ней он не мог и одного дня.

Вместе с Юрием Алексеевичем они за эти три недели установили должный деловой контакт с Детским издательством, обсудили со множеством людей все стороны будущего участия Андрея в создании уникального атласа — ох, как непросто оказалось это!— ему устраивали прямо-таки жестокие экзамены, и заставляли выполнять сложнейшие пробные работы, и нередко его новая судьба зависела на волоске. Выручал Юрий Алексеевич своим высоким авторитетом, и это была именно в ы р у ч к а, а не фанатичная уверенность Ирины в таланте художника, не ее упрямая и настойчивая борьба за пробуждение и в нем самом этого чувства.

И вот теперь он вернется на короткое время в Светлогорск, чтобы собрать свои немудрящие вещички, кипы законченных и незаконченных карандашных рисунков, этюдов, сделанных масляными красками, с тем, чтобы потом этим «хламом» завалить отведенную для Андрея добрым Юрием Алексеевичем отличную комнату, превратить ее в чулан. Он вернется в Светлогорск, и что же он скажет Ирине, когда уже все решено? Скажет, что он теперь вполне оперился, поднялся «на крыло» и уходит в самостоятельный полет? Что дружеские заботы Ирины ему были нужны и драгоценны только в тяжелое для него время, что все это нынче забыто и его радости — только его радости.

А может быть, он крадучись вернется в Светлогорск, так же крадучись соберет свое барахлишко и, не сказавшись ни Ирине, ни Алексею, укатит навсегда в Москву?

Как это все могло получиться? А началось ведь с «ярмарки невест»! Не было бы того злополучного — тут уж «зло...», «зло...» на месте,— не было бы того никому не нужного вечера, и все сложилось бы по-иному. А как теперь все это исправить?

Андрей нервно вскинул голову. Ему показалось, что он отвечает на какой-то совершенно прямой и точный вопрос, но он отчеканил совсем невпопад:

— Да, если я не вернусь к концу месяца из Светлогорска, значит, я там и останусь. Не ждите.

— То есть как?— От изумления у Юрия Алексеевича выпала из руки чайная ложка и тоненько звякнула о блюдце с вареньем.— Что за неожиданный пассаж? Андрей Арсентьевич, я вас не понимаю. Простите, мне показа-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 34—45.

лось, вы пробудились ото сна, так произнесены были ваши слова. Но вы ведь не спали же!

— Андрей изобретает новые формы шуток,— пояснил Яниш.— Но почему-то в момент, когда мы уже перешли к серьезному разговору.

— Я не шучу,— сказал Андрей.— Обстоятельства изменились.

— Вот здесь, сейчас, за этим столом?— в недоумении протянул Яниш.— Какие же обстоятельства здесь могли измениться?

— Они были все время, но я о них вспомнил только сейчас,— виновато и хмуро сказал Андрей.— И обстоятельства очень важные.

— Например?— командирски строго спросил Яниш.

— Этого я не могу сказать, ни за что не могу сказать,— твердо ответил Андрей.— Но поверь мне, Альфред, очень, очень важные.

Наступила тяжелая пауза. Яниш медленно натягивал свой генеральский мундир. Юрий Алексеевич ворошил редкие седые волосы, словно бы что-то припоминая. Он первым прервал молчание.

— Что ж, не будем вторгаться в «святая святых», тем более что однажды подобный финал разговора с Андреем Арсентьевичем у меня уже случался. Позволительно ли мне будет только спросить: какой позиции я должен держаться до истечения этого месяца, поскольку ваш неприезд в начале нового месяца станет означать, что все наши сложнейшие и столь заманчивые договоренности разрушены? И еще, прошу прощения, когда вы намерены выехать в Светлогорск?

— Это вы меня простите, Юрий Алексеевич,— дрогнувшим голосом ответил Андрей.— Мне страшно предстать перед вами каким-то шалопаем, безответственным болтуном, то и дело меняющим свои устремления... Если можно, пусть все останется так, как есть, пока я вернусь или не вернусь в Москву. А в Светлогорск, если удастся купить билет, я уеду сегодня.

Яниш вызвался проводить его до вокзала и помочь приобрести билет через военную комендатуру. До ближайшей станции метро они решили пройтись пешком. Яниш не скрывал своего неудовольствия уклончивым ответом Андрея.

— Знаешь,— говорил он,— со стариком ты обошелся просто безжалостно, он воспитан на иных понятиях...

— Да, да, я понимаю, он уважает в человеке «святая святых»,— сказал Андрей.

— Еще больше он уважает откровенность младшего перед старшим. А к тебе он отнесся и привязался, как к сыну. Ведь его мечта о том, что после войны дом наполнится родными голосами, не сбылась. Убитые из могил не встанут, а уехавшие далеко обрели новую, интересную жизнь. Общение с Полиной Игнатьевной для него — это, конечно, отрада, но все же его внутренний мир — искусство. А гости у него бывают не каждый день. Гости — иными словами, собеседники, говорящие с ним на одном языке.

— У меня нет совсем языка!

— Он бы тебя выучил своему языку. Не лексикону. Лексикон у него не нашего времени. Но мысль, знания — это неисчерпаемый колодец. Кстати, я заметил, с тех пор, как мы расстались с тобой в конце войны, ты тоже прошел какую-то высокую школу.

— Вот в эту школу и еду я, получать аттестат зрелости,— вырвалось у Андрея.

— Так чего же ты темнил тогда? Кто она — эта «школа», эта «святая святых»? На этот раз как коммунист коммуниста спрашиваю. Не в порядке партийной дисциплины, конечно. А по-товарищески.

— Даже в порядке партийной дисциплины, Альфред, не скажу. А по-товарищески о таком не спрашивают, если сам человек не может сказать.

— Не хочет!

— Это одно и то же. И, слушай, Альфред, ежели заговорили мы, как коммунисты. Тогда, во фронтовой обстановке, я очень отчетливо представлял свои партийные обязанности — вести за собою других. И мои рисунки в какой-то мере этому способствовали. Они были моим боевым оружием. Стреляли. И поражали цель, как и пули из винтовки солдата. Теперь я исправно плачу членские взносы, посещаю партийные собрания, занимаюсь партийной учебой, но прежней духовной ответственности за каждую свою новую работу я не ощущаю с той же силой. Вот прошла у меня персональная выставка военного рисунка. И я понимал: это выполнение моего партийного долга. Но если я теперь начну для академического атласа или для Детского издательства рисовать птичек и бабочек...

— Это снова будет выполнением твоего партийного долга,— вставил Яниш.— Если ты птичек и бабочек сумеешь нарисовать хорошо. Атлас этот ты станешь составлять, что — для себя или для людей, для познания мира?

— Все это так, Альфред. Но, может быть, вернее мне отказаться от «птичек и бабочек» и остаться навсегда военным художником? Если отыскать бы все мои архивы, их мне хватит до конца дней моих. А потом я, кажется, тебе рассказывал, мне хочется создать о войне и крупное по силе полотно, свою «Гернику», только, конечно, в иной манере.

— Похвально. И верю, таланта твоего для этого достаточно, ты «Гернику» свою создать способен. Единственно, чего я не пойму,— почему ты работу военного художника противопоставляешь работе художника мирных дней и резко не в пользу последнего?

— Так совесть мне подсказывает.

— Это серьезно,— сказал Яниш.— К велениям совести надо прислушиваться. И если она обязывает тебя оставаться верным исключительно военной теме, что же тут сопротивляться! Но ты упоминал еще и о партийном долге. Вот здесь, скажу я тебе, дело обстоит иначе. Партийный долг вовсе не обязывает каждого и после войны все время ходить с винтовкой за плечами. То есть аллегорически, да, помнить о вражеском окружении, но мирную-то жизнь нам надо строить! И двигать вперед с твердой верой, что не война, а мирный труд — естественное состояние человечества. Стало быть, ты не окажешься плохим коммунистом, если станешь хорошо иллюстрировать детские книжки, воспитывая в ребятах чувство прекрасного, чувства товарищества и доброты. Тем более, если ты поспособствуешь еще и созданию уникального атласа, который вот как необходим для нужд мирной и мировой нау-

ки. Нет, нет, ищи свои недостатки как коммуниста не в том, что и каким способом ты рисуешь — тут тебе всегда полная свобода дана,— ищи свои недостатки в том, какой тебе видится твоя роль художника в современном обществе, в мире. Вот здесь ты в понимании этого, пожалуй, полного «изящества» действительно еще не достиг.

— А ты, Альфред, объясни точнее, конкретнее, на примерах.

— Ишь, чего захотел! Ты можешь на одном дыхании жанровую картину, семейку, скажем, из семи родственников изобразить, когда их одолел демон противоречия? А в каждом человеке, в том числе и в тебе, тысяча чертей и только пять ангелов сидят. Где же я с короткого взгляда на тебя всю эту банду персонально перечислю. Да и негоже постороннему в чужом хозяйстве разбираться. Лучше-ка ты сам чертей в себе поищи. За хвост их лови и поодиночке прочь выбрасывай. Я, знаешь, например, из себя какого одного жирного черта выкинул? Начисто перестал сквернословить, чем, грешен, временами во фронтовой обстановке был одержим. Вот тут и сопоставь: партийный билет в нагрудном кармане, у сердца, а трехэтажный мат на языке. Совместимо это? А повторяю: в человеке тысяча чертей. Так что работа очистительная предстоит и длительной и нелегкой. Ну, а о светлогорской «школе», которая тебя значительно преобразовала, так и не скажешь?

— Не скажу. Девятьсот девяносто девятый черт не позволяет.

— Ладно! Тут я согласен и на ангела. «Школу» свою по имени назвать не хочешь — пусть, — а о «школьной отметке» старику милейшему ты все же сразу телеграммой сообщи. Никто за тебя так, как он, не бился.

Об этих последних словах Яниша Андрею вспомнилось тогда, когда он повернул ключ в двери своей мастерской в Светлогорске. «Никто так не бился...» И он не оборвал Яниша. Какой черт задержал на языке имя Ирины?

В комнате настоялась духота, пыльный запах, свойственный подолгу не проветриваемым помещениям. Андрея сразу облило горячим потом, неспокойно забилось сердце. Он распахнул створки окна, присел у стола. Все здесь и вообще в комнате дыбом. Как это не схоже с порядком, заведенным Полиной Игнатьевной, порядком, который он, Андрей, по характеру своему в доме Юрия Алексеевича непременно разрушит. Ирина никогда не обращала внимания на замусоренность мастерской, ее здесь интересовали алмазы, а не руда, из которой они добываются. Как хорошо здесь, в его маленькой и тесной мастерской!

Андрей протянул руку к портрету Ирины, перевернутому тыльной стороной вверх и придавленному тяжелой книгой. И остановил себя. До чего же нелепой была та ночь! И бегство из этой ночи неизвестно от кого и чего.

Нет, нет, он сейчас знает слова, с какими обратится к Ирине, живой, не нарисованной, чтобы вновь восстановить ее к нему доверие. Сейчас ему нетрудно будет и попросить прощения за ту безобразно глупую записку. И не станет он с нею советоваться, ехать ему или не ехать в Москву, а просто снимет телефонную трубку — в этот час Ирина всегда бывает дома — и скажет: «Я вернулся. Совсем. Когда ты сможешь зайти, посмотреть один любопытный рисунок? Еще лучше: притащи с собой Алексея. К нему в кабинет мне не хочется заходить, у него бесконечные совещания». Алексей обалдеет, увидев портрет Ирины, ведь она сто раз при нем заявляла, что не будет позировать.

Телефонные гудки тихо и длительно постанывали, но в квартире Седельникова никто не снимал трубку. Андрей заметил у порога на полу квадратный листок бумаги, очевидно, засунутый под дверь. Поднял его, прочитал: «Вас все время нет дома. Накопилось много писем. Приходите, заберите их на почте. Валя».

Почтовое отделение находилось поблизости. Андрею выдали целую груду конвертов и открыток. Он бегло просмотрел обратные адреса. Все незнакомые. Наверно, продолжают поступать отзывы о выставке. Успеется прочитать. Андрей вновь взял телефонную трубку, набрал номер. Теперь сразу же после первого гудочка послышался детский голос:

— Алё, вас слушают. — И куда-то в глубь квартиры: — Тетя Зина!

Андрей понял: отвечает маленькая дочь Ирины. Ему не хотелось вступать в разговор с Зинаидой, так некстати почему-то оказавшейся в доме Седельниковых. И поспешил:

— А мама? Позови маму.

— Мамы нет.— И голос у девочки сник, оборвался: — Мамы нет. Она умерла.

— Умер-ла...

Андрей бессмысленно смотрел на телефонную трубку, в которой теперь бились чужие пустые слова:

— Кто спрашивает? Кто спра...

И долго сидел неподвижно, стиснув ладонями виски. «Умерла... умерла... Мамы нет...»

Как это могло случиться? Почему? Ирины нет... В сознании это никак не укладывалось. Быть может, он просто ослышался? И девочка произнесла какие-то другие, а вовсе не эти и посейчас ему холодом стягивающие плечи слова. Но вновь набрать номер квартирного телефона Ирины сил у него не хватило.

Он позвонил в обком партии. Неужели эту страшную весть повторит и сам Седельников? Отозвалась Кира. Сразу узнала его.

— Приехали? Только что? Алексей Павлович в командировке. В Москве, в ЦК,— сказала она.— А вы еще не знаете, какое несчастье случилось у нас? Ирина Аркадьевна погибла. Самолет, на котором летела, разбился. И пилот тоже погиб.

— Когда? И куда летела Ирина Аркадьевна? — Горло Андрея словно бы забивало мукой, он с трудом задавал эти вопросы.

— Алексей Павлович тогда вас очень искал. Получается, что случилось это на второй день после вашего отъезда. А летела Ирина Аркадьевна в Доргинский леспромхоз читать лекцию. Самолет маленький, патрульный, всего два человека, пилот и она. Сколько раз летала в разные далекие поселки над тайгой, и ничего. А тут подстерегла беда.— Андрей слушал молча, не перебивая, и Кира, вздохнув, продолжала: — Долго искали. А когда их все-таки нашли, то увидели — рассказывать не стану... Зинаида Варфоломеевна объяснила,— она ведь бывшая летчица,— самолет еще в воздухе загорелся, на очень большой высоте, над облаками... Удар о землю представляете? Там, на месте, и похоронили, потому что... Ну, я не могу... Потому что ничего не нашли. Только тайга обгорелая. Алексей Павлович так убит, так убит. Поехал в ЦК хлопотать о переводе куда-нибудь. Сами понимаете, как ему тяжело здесь оставаться. Он же Ирину Аркадьевну очень любил.

— Да, Кира, да, понимаю...

Говорить больше было не о чем. Надо было собираться в дорогу. Потому что теперь в Светлогорске для него тоже не оставалось ничего.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

...Выбора не было. Собственно, «или — или» всегда существует. Но когда одно из этих «или» становится кричаще неравнозначным другому, в расчет принимать его нельзя. Ждать до рассвета — может оказаться гибельным для Даши.

Почему он до сих пор еще колебался, тешил себя надеждой, а может быть, Даша и вправду, по утверждению Германа Петровича, где-то отсиживается в сухом укрытии?

Нет, нет. Если она жива — странно подумать иначе,— то, конечно же, бродит, а скорее, лежит под дождем распростершись, совсем измученная, обессиленная там, внизу, в плотном тумане, у Зептукея.

Андрею Арсентьевичу зримо представилась опасная низина. А он будто бы след в след ступает за Дашей и никак не может догнать ее, остановить. Под ногами звучно хлюпает вода, мох проваливается, острые колючки мертвых кустарников дергают Дашу за платье, со скрипом лопаются осклизлые корни. Даша падает, бьется в отчаянии. Он же вдруг легко взлетает на гору и оказывается здесь, в уютной палатке...

Нельзя, нельзя терять ни минуты. Но тропы вниз не протоптаны, идя наугад впотьмах сквозь малинники можно в чаще и среди бурелома не разглядеть какой-то очень важной заметки Дашиного следа. Ну что ж, тогда снова вернуться, подняться в гору, а сейчас — вниз и вниз. Не теряя холодности рассудка, не поддаваясь давящему сердце дурному предчувствию, разбудить всех в соседней палатке и сообщить им свое твердое решение. Конечно, Герман Петрович раздраженно опять повторит: «Не хватает еще, чтобы утром двоих нам пришлось искать! А точнее, вас одного. Потому что Даша так и так никуда не денется, вы же черт знает куда можете забрести, гоняясь за выдуманными призраками». Он ведь, Герман Петрович, не слышит молящего, зовущего голоса Даши.

Поэтому проще и правильнее тихо уйти. А утром «они» догадаются, что фанатик и паникер Путинцев отправился вниз, к Зептукею, поскольку об этом коварном ручье с вечера больше всего говорилось.

На ощупь Андрей Арсентьевич проверил двустволку, патронташ, целиком ли он заполнен, есть ли в нем патроны с жаканами и картечью. Засунул за опояску охотничий топорик. Взял банку мясных консервов, пачку сухого печенья, сунул за пазуху; смотал в кольцо длинный конец бечевы, перекинул через плечо и вышел из палатки.

Все так же сыпался теплый дождь, а небо сделалось точно бы и еще чернее. Совсем неразличимой среди мелких елочек притаилась соседняя палатка. Андрей Арсентьевич нагнулся, потуже затягивая ремешки ичигов — он не любил скитаться по тайге в какой-либо иной обуви,— и глухотой ему заложило уши. Он распрямился, внутренне моля: ну звучи же, звучи в душе, веселый напев! Суеверно прислушался. Нет. Даже капли дождя немо сеялись вокруг него. Как же тогда долетит к нему голос Даши?

Только двинься вниз по склону, и сразу словно бы веером разбегутся от него маленькие узкие распадки. Который из них мог незаметно утянуть Дашу к Зептукею? Скорее всего тот, что начинается справа. Оттуда в средине ночи проскакала косуля, может быть, как раз спугнутая Дашей — смешная, наивная надежда! Там меньше гнилого валежника, но целые завалы крупных обомшелых камней. А неискушенный в тайге человек, идя по косогору, непременно станет обходить их снизу, тем самым все больше опускаясь к ручью, змеящемуся посреди широкого зыбучего болота, затянутого ряской и жестким круглым хвощом.

Ну что же, сделать или нет первый шаг в эту глухую черную ночь? Опять «или — или». Согласиться с холодным, остерегающим рассудком или поддаться интуиции, внутреннему зову, влекущему вниз, к Зептукею? Последний раз думай, Андрей.

I

Выбора не было. Собственно, он уже состоялся. По определению и настоянию врачей. Вести спокойный, размеренный образ жизни, регулярно посещать поликлинику, как можно больше времени проводить на воздухе. Альтернатива этому... Врачи деликатно разводили руками.

И шестнадцать лет после «первого звонка» — микроинфаркта — Андрей подчинялся их диктату.

Вел размеренный образ жизни. То есть денно и нощно работал в своей мастерской, страницу за страницей в ряду с другими художниками создавая удивительный атлас «Фауна и флора СССР», выполняя наряду с этим многочисленные заказы Детского издательства по иллюстрированию и оформлению книг и бесконечно возвращаясь — по давнему еще определению Юрия Алексеевича — к «квадратуре круга», картине, написанной маслом, в которой — единственно в которой! — он желанного решения никак найти не мог. Ему удалась даже своя «Герника». Нет, не в единственном

полотне, подобном бессмертному творению Пабло Пикассо, как виделось Андрею поначалу, а в больших динамических сериях военных рисунков: «За нами Москва», «Вперед и только вперед», «Люди с красным крестом», «По выжженной земле», «Весна. 1945». Все эти серии рисунков, воплощенные в яркие образы на основе беглых набросков с натуры, последовательно стали предметом целого ряда его персональных выставок, составили весомый каталог и были с единодушным восторгом встречены прессой. Он сделался обладателем многих дипломов и почетных грамот. А главное — добрых отзывов посетителей выставок, бывших фронтовиков. И это был его прекрасный, размеренный образ жизни, когда он находился в своей мастерской.

Посещал Андрей и поликлинику. Не часто, но все-таки посещал. Он чувствовал себя всякий раз отвратительно, когда участковый врач без вызова появлялся в его квартире справиться о здоровье. Это как бы отдавало со стороны Андрея некоторым чванством. Да к тому же и прописанные в поликлинике лекарства приносили действительное облегчение, когда уж чрезмерно начинало болеть сердце.

На воздухе же, помимо коротких вечерних прогулок, а днем выходов в «Гастроном» или в столовую, он бывал весьма и весьма регулярно. Однако не совсем так, как это представлялось медикам, полагавшим, что на летнюю пору, месяца на три, «свободный художник» Путинцев уезжает куда-то в дачное Подмосковье. Андрей же забирался в далекую сибирскую тайгу. Один. Без спутников. С каждым новым походом все больше углубляясь в ее труднодоступные места.

Это стало его страстью. Душевной потребностью. И привычкой. Он уже не мог жить без таких, зачастую рискованных походов. Он и сам не знал, с чего началась его привязанность к таежным скитаниям. Еще по рассказам отца тайга виделась ему враждебной стихией. Брату Мирону, наоборот, она сразу полюбилась. А обернулась все же гибелью. Хотя тайга ли в том была виновата? Ирина тоже погибла в тайге. Случись воздушная катастрофа над чистым, открытым полем, возможно, пилот и сумел бы посадить горящий самолет, выбраться из него. Только и здесь чем же тайга виновата?

Хотелось понять ее. Хотелось поговорить с ней, как с живым существом: она ведь живая! И перенести этот разговор на полотно. Разговор, оказавшийся той самой «квадратурой круга», решить которую он так пока и не смог за долгие годы. Получались статичные пейзажи, покорявшие взгляд своей красотой, а живого дыхания в них не чувствовалось. Того дыхания, которое в сказочном народном творчестве позволяло одухотворять и горы, и реки, кряжистые деревья и нежные луговые цветы, ветер и по небу бегущие светлые облака. Надо было слушать и слушать тайгу. Всегда разную, переменчивую, и схватить оком художника не какое-то отдельное в ней мгновение, заставив его под кистью своей остановиться,— схватить само движение. Как это иногда отлично удавалось сделать со стрекозами, воробьями и прочими земными обитателями. Тайга Андрею никак не открывала эту свою тайну.

Зато она открыла другую тайну — очарования странствований по ней. Да, они были нелегкими, особенно для больного сердца. Уставали и ноги. Временами досаждал страшный таежный гнус. Но разве можно было с чем-то сравнить благородную усталость на привале, когда рядом с тобою пылает маленький костер, а в вершинах молодых кедров безбоязненно резвятся, прыгают белочки? Можно ли где-нибудь еще увидеть такой далекий и чистый горизонт, как взобравшись на горный перевал, с которого видно во все стороны света? И где еще найдется такой первозданный цветущий покров земли, сухая ли это сосновая грива или зыбучее болото — значения не имеет,— как в сибирской тайге?

И еще одна властная сила тянула Андрея на трудные таежные тропы, делаясь с каждым годом неодолимей. Кроме работы, только в тайге не чувствовал он душевной усталости от общения с людьми. Они его мало интересовали. Поговорили, расстались — и все. У них свои заботы, у него — свои. Заботы далеко не схожие. Они идут в свои жилища, к семьям, к домашним радостям и ссорам, он возвращается в пустую комнату, где даже собственный голос теряется.

Андрей исправно посещал собрания художников, был избран даже в состав ревизионной комиссии союза и не уклонялся от поручений, которые ему давались. Но выступать с трибуны он не рвался, он это знал, и это понимали товарищи — оратор он был не из лучших, робел перед любой аудиторией и говорил, все время как бы замыкаясь в себя. Так и считалось: Путинцев для мольберта, а не для трибун.

Ему частенько представлялось, что он оказался на маленьком, поросшем светлым черемушником островке, окруженном плещущими в берег пенными злыми волнами, которые смывают постепенно одну цветущую черемуху за другой. Пришло известие о смерти Мирона. Потом умер отец. Растворилась в далеком от него мире Женя. Сгорела в воздушной катастрофе Ирина. Скончалась мать, так и не пожелавшая расстаться с милым сердцу ее Чаусинском. Вместе с Юрием Алексеевичем похоронили они Полину Игнатьевну. Ненадолго пережил ее и сам Юрий Алексеевич. Не осталось совсем вокруг него той свежей зелени, создававшей прежде все-таки некоторую защиту от ударов стихии, и волны теперь точили камень у самых его ног.

Новых знакомств он не искал. Нет, знакомства, конечно, завязывались, островок в действительности был не так уж мал, но к этому островку новые люди лишь как бы подплывали на лодке, а рядом с Андреем на землю не ступали. Лицо его становилось все более угрюмым, безулыбчивым, хотя с посторонними он всегда разговаривал вежливо, деликатно, всеми мерами стараясь сделать людям добро. И он ничуть не обиделся, услышав однажды в Детском издательстве брошенные вслед ему слова: «Свинцовый монумент». Их выговорила молоденькая, кокетливая корректорша. По своему возрасту она имела право сказать эти слова. Только не так бы громко. Андрей среди художников давно уже слыл «монументом», мастером с известным именем, а «свинцовый» с портретной точностью характеризовало угрюмость его лица. Против чего же восставать?

Андрей был прописан в квартире Юрия Алексеевича, но после его кончины отказался от каких-либо прав на нее, хотя иных претендентов и не существовало. Из Хабаровска приехал старший сын, директор большого завода, чтобы распорядиться оставшимся от отца имуществом. Картины сдал в Министерство культуры, книги по вопросам искусства оставил Андрею, а себе не взял почти ничего, кроме семейных реликвий. «Все должно находиться там и у того, где и кому оно принесет больше истинной пользы»,— сказал он.

Взамен большой квартиры Юрия Алексеевича городские власти предложили Андрею комнату в коммунальной квартире и творческую мастерскую, бывший склад в торговом помещении какого-то многоэтажного дома. Он не стал возражать. В мастерской было тепло и сухо, достаточно места и для дивана — прилечь, когда прихватит сердце, и главное для обширного, постоянно переписываемого заново полотна «квадратуры круга». Грубо оштукатуренные кирпичные стены не смущали Андрея, он не успел избаловаться столичным комфортом у Юрия Алексеевича. А длительные выходы в таежные дебри переносили его почти в фантастический мир — столь прекрасной была щедрая сибирская природа.

Он ни у кого не обучался чтению хитрых тайн глухомани, искусству уверенного хождения по неизвестным тропам и мастерству понимания местных примет, предсказаний перемены погоды — все это вошло в его сознание интуитивно. За шестнадцать лет сосредоточенных наблюдений над жизнью тайги не так уж и мудрено — хотя и мудрено! — было всему этому научиться.

Перед выходом по новому маршруту Андрей внимательно исследовал все доступные ему материалы: книги, карты, рассказы бывалых людей. У него накопилось и множество собственных интересных записей, карандашных схем своих передвижений. Он последовательно забирался все глубже и глубже в неведомые дали тайги, но главным исходным пунктом для него, «печкой, от которой он начинал танцевать», оставалась горная долина, бассейн реки Ерманчет. Там где-то похоронен Мирон, именно там, возможно, таился из легенды или правдивого рассказа отца и «свинцовый человечек». Этого «человечка» не обязательно было искать, если торжественно отреклись от него все геологи. Он оставался лишь мерилом священной веры в честность отца. А могилу Мирона Андрей приказал себе найти. Потому что это было к зовом сердца — брата никак не мог он забыть,— и это осмысляло отчетливой целью его скитания по тайге.

В заплечный мешок Андрей брал крайне необходимого из продовольствия лишь столько, сколько было по его силам. Довершали его снаряжение двустволка с должным припасом пороха и дроби, небольшая сетенка и лески с крючками для ловли рыбы, топорик за опояской и острый, длинный охотничий нож. Все остальное: крышу над головой и пищу — ему должна была дать сама кормилица тайга. Пластины свежесодранной еловой коры ему заменяли палатку, маленькие горные речки изобиловали вкусными хариусами, ленками; в средине лета тайга, казалось, изнемогала от избытка грибов и ягод — черники, голубицы, малины, смородины, брусники, а под осень поспевали кедровые шишки. Утку, чирка или боровую дичь — глухаря, тетерева, рябчика, тоже нетрудно было добыть. На сохатых, изюбрей и косуль у Андрея не поднималась рука, убивать этих таежных красавцев ради одной-двух похлебок.

Он не изнурял себя длинными переходами: все лето принадлежало ему. Докуда можно было подъехать на телеге или верхом на коне, нанятом у местных жителей, он подъезжал: где речка позволяла сплыть на салике из трех-четырех бревен, он срубал сухостойник, делал салик и плыл на нем. А самое высшее наслаждение он получал от неторопливого, вдумчивого передвижения пешком.

Так, в этих таежных походах, дарящих ему многие и многие часы истинного счастья, он шестнадцать лет подряд прилежно выполнял предписания врачей, по существу же грубо эти предписания попирая. И каждый раз в оправдание он вспоминал тоже популярную медицинскую установку: не прислушиваться к болезни, тренировать и развивать в себе волю к ее преодолению.

Он многого достиг по части самовнушения. Избавился от бессонных ночей. Приучил свои мускулы расслабляться по окончании трудной работы, блаженно ощущая тогда, как его тело становится легким-легким и усталость полностью исчезает. Он упорно и успешно вел борьбу и с болью, где бы она ни возникла, быстро укрощал ее своим мысленным словесным приказом. Только сердечная боль подчинялась ему неохотно. Заставляла останавливаться. Садиться. И терпеливо пережидать, когда она отступит. Особенно, если под язык положить таблетку нитроглицерина.

Ему не раз предлагали поехать в санаторий. Андрей отговаривался тем, что он и так много времени находится на свежем воздухе, а если к этому прибавить еще и курортное лечение, то он и совсем обленится. И все-таки на семнадцатый год после «первого звонка» он не смог противостоять требованиям врачей. Что-то в электрокардиограмме Андрея стало вызывать у них беспокойство.

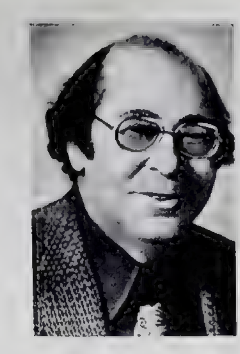
«Мы же вас не в больницу укладываем,— говорили они.— Санаторий — тоже главным образом пребывание на свежем воздухе, но только под постоянным медицинским контролем. Нам просто крайне необходимо знать, как повседневно будет вести себя ваше сердечко в заданном ему режиме».

И Андрей очутился в хорошем кардиологическом санатории в средней полосе России на берегу большого светлого озера.

Продолжение следует.

К 60-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АБДУРРАХМАНА АЛЬ-ХАМИСИ

...ТЕБЕ ДОРОГУ ОЗАРЮ!

Анатолий **АГАРЫШЕВ**

«В Каире темнота вероломна, а в твоей лачуге темно». Эти слова из рассказа замечательного египетского поэта, писателя и выдающегося общественного деятеля, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Абдуррахмана аль-Хамиси звучат сегодня емко, как притча.

Да, темнота в Каире вероломна. Под ее покровом свершилось кэмп-дэвидское предательство, военные самолеты с опознавательными знаками США взлетают сегодня с египетских аэродромов, угрожая соседним странам, под ее покровом бросают за решетку патриотов. Под ее покровом египетская реакция пыталась физически расправиться с совестью Египта — с Абдуррахманом аль-Хамиси, вынужденным жить в изгнании.

Но и сегодня, когда ему исполнилось шестьдесят лет, стихи Абдуррахмана аль-Хамиси, дышащие силой оптимизма, по-прежнему зовут египетский народ к борьбе. И это означает, что тьма, как бы ни была она вероломна, не всесильна. Ей оказалось не под силу затушить факел творчества народного поэта-трибуна.

О, будь я светом, —
Все свое сиянье
Я бросил бы, как радужный ковер,
Тебе под ноги.
Я б небес шатер
Над головой твоею распростер
И, видя в том себе предначертанье,
Из искры сердца
Раздувал костер,
Пока б не прервалось мое дыханье.
И пусть я в этом пламени сгорю,
Зато тебе дорогу озарю!

Это обращение к родине, к Египту поэта, чье творчество пронизывает идея борьбы света против тьмы.

Как при взгляде на арабеску воображение рвется из замкнутых геометрических фигур, так и поэтическая мысль аль-Хамиси рвется на волю из самобытных форм его чарующих стихов. Но мысль эта, омраченная тяжестью переживаний от вынужденной разлуки с родиной, живет в бесконечном поиске.

Я смеюсь!
Так смеется вулкан,
Извергающий лаву,
Так хохочут под пыткой,
Лицо разодрав.
И тогда я кричу
В оголтелую эту ораву:
— Пейте кровь мою,
Сердце живое
Ногами поправ!

Жертвы, принесенные на алтарь борьбы против предательской политики Кэмп-Дэвида, оказались не напрасны. Там, в Египте, зреют силы сопротивления. В их рядах и представители молодой интеллигенции, глубоко задумывающейся о судьбе египетского народа, снова оказавшегося в паутине преступных империалистических планов, направленных на раскол и закабаление арабов.

Смотрю в лицо аль-Хамиси. Бронзовое, источенное морщинами, с веселыми искорками в глазах. Случается, что оно вспыхнет миллионом искр. И потухнет. И тогда наступает затяжной суховей, состояние души человека, лишенного родины.

О врачеватель, по ночам болит
душа, стеная:
Египет в сердце у меня, страна
родная.
Родных и близких я лишен,
проходят дни за днями,
А каждый день вдали от них,
как темень гробовая.

Не в период ли такого суховея написаны эти наполненные тоской стихи?

Но суховей не может одолеть его неуемной воли. Он сам быстрее ветра. Летит из столицы в столицу, по всему свету, чтобы провозгласить слово разящей правды о трагедии Египта, трагедии других арабских народов, — провозгласить с трибун международных конференций, на массовых митингах, в стихах.

О правах человека
вещают убийцы Линкольна.
По какому же праву
в Ливане устроена бойня?

От стихов аль-Хамиси веет теплом, жизнью, несмотря на разлуку с родиной, на тоску по ней.

«Одна встреча особенно запомнилась. Она произошла в советском культурном центре в Каире. Повидать советских гостей сюда пришли представители арабской интеллигенции. Они страстно и горячо говорили о дружбе с Советским Союзом, восхищались его успехами... Потом слово взял арабский поэт Абдуррахман аль-Хамиси...» Эти слова особенно дороги. Их написал в своей книге «Дорога в космос» Юрий Гагарин.

Нет, недаром египетские студенты в Москве читали на Красной площади стихи аль-Хамиси в день, когда Юрий Гагарин вернулся из космоса, — есть нечто, что из глубин египетской земли взметнулось в космос в строках поэта.

Это щедрое «нечто» основано на высоких идеалах творчества. Оно движимо огромным напряжением сил египетского народа, стремлением к красоте, духом, воплотившимся в создании великолепных памятников искусства древности, высоким чувством социальной справедливости, которое зовет поэта к борьбе за права и будущее своего народа.

Один из друзей аль-Хамиси сказал однажды:

— Это Садат убил Египет.

— Египет воскреснет, — уверенно ответил аль-Хамиси.

В этом ответе был отсвет тысячелетий египетской истории. Так верная супружескому долгу Изида надеялась и ждала воскресения Озириса, предательски убитого Сетом.

Труд и жизнь Абдуррахмана аль-Хамиси убеждают нас, что и в самые тяжелые периоды своей истории египетский народ никогда не терял веры в будущее, не терял своего оптимизма. Эта вера и оптимизм и звучат в его стихах.

БЛОКОВСКИЕ ДНИ В ТБИЛИСИ

Александр Блок.
Скульптор Т. Гениашвили.

Грузия любит и чтит Александра Блока. В преддверии векового юбилея великого русского поэта в Тбилиси состоялись Блоковские чтения, организованные Главной редакционной коллегией по делам художественного перевода и литературных взаимосвязей при Союзе писателей ГССР и Домом литературных взаимосвязей.

Серьезно и торжественно прошли блоковские дни в Грузии. «Революционный романтизм замечательного русского поэта близок грузинскому народу, — сказал во вступительном слове председатель Главной редакционной коллегии О. Ф. Нодия. — Не случайно стихи Блока переводили и переводят наши ведущие поэты». В Грузии много писалось о Блоке. Одна из первых и лучших до сего времени статей о поэме «Двенадцать» была опубликована еще в 1918 году в газете «Кавказское слово», в те же далекие годы в издательстве «Кавказский посредник» вышла отдельной книжкой и сама поэма.

Но не только непосредственным связям Блока и Грузии были посвящены Блоковские чтения в Тбилиси. Организаторы пригласили для участия в них крупных советских критиков, литературоведов, писателей, поэтов, переводчиков из Москвы, Ленинграда, Тбилиси. Новые аспекты изучения жизни и творчества Блока раскрыли доклады и сообщения: «Блок и А. Белый», «Блок и М. Цветаева», «А. К. Толстой — Вл. Соловьев — А. Блок», «Блок и К. Бальмонт», «Блок и С. Городецкий», «Первая книга А. Блока», «Грузинские поэты Блоку», «В мире Блока» и другие.

И совершенно закономерным представляется решение Главной редакционной коллегии издать по материалам прошедшей конференции «Блоковский сборник», в который войдут прочитанные в Тбилиси доклады и новые документальные материалы о Блоке.

Плодотворная деятельность Главной редакционной коллегии по делам художественного перевода и литературных взаимосвязей, мы уверены, не ограничится лишь этим удачным опытом проведения блоковских дней в Тбилиси. Такого рода встречи не только способствуют сближению культур, но и открывают новые перспективы в изучении творческого наследия крупнейших представителей многонациональной советской литературы.

В эти дни прошел большой блоковский вечер в доме-музее народной художницы ГССР Е. Ахвледиани, участники конференции ознакомились с творчеством заслуженного художника ГССР, профессора Т. К. Гениашвили, создавшего очень интересный скульптурный портрет А. Блока. Прекрасно, если этот памятник поэту вскоре будет установлен на одной из площадей Тбилиси как еще один символ братства русской и грузинской литератур.

В. ЕНИШЕРЛОВ

А. Грицай. Род. 1914. В ЗАРОСШЕМ ПАРКЕ. 1976.

В. Цыплаков. Род. 1915. ОСЕНЬ. 1979.

К 80-ЛЕТИЮ Н. И. РЫЖОВА

ПРОДОЛЖАЯ СЛАВНУЮ ДИНАСТИЮ

Фото Н. Ефимова

Есть в Малом театре такие артисты, чьи голоса мы тотчас узнаем из десятков других голосов,— Николай Иванович Рыжов в их числе.

Можно не видеть, а только слышать его героя и при этом вполне ясно, зримо воспринять характер, ощутить настроение, всю гамму человеческих переживаний... Особенно же хороши у юбиляра, которому на днях исполнилось восемьдесят лет, роли из пьес Островского. Да он и сам, не скрывая, больше всех других любит своего Барабошева («Правда хорошо, а счастье лучше»), своего Лыняева... Вспомним, каков он, Лыняев: теперь ведь все могли видеть его в телеспектакле «Волки и овцы» с замечательными исполнителями, ведущими мастерами Малого. Среди них «главная овца» — Лыняев Рыжова. «Главная» по своей вот уж точно что овечьей, нерассуждающей, несопротивляющейся сущности; «главная» по своему маленькому, даже, можно сказать, крохотному умишку и, наконец, главная по своей несомненной доброте, мягкости и незлобивости... Артист ведь не только смеется над Лыняевым — он еще и жалеет его, видя совершенно отчетливо детскую какую-то беспомощность «героя», полную неприспособленность его к жизни, к действию, к поступку...

Наполненность чувством, неравнодушное переживание человеческих судеб — вот что всегда было главной чертой в творчестве актерской династии Рыжовых-Музилей...

Все, кому посчастливилось видеть первые постановки «Любови Яровой», помнит замечательную актрису Варвару Николаевну Рыжову в роли крестьянки Марьи, которая растерянно искала двух своих неведомо куда девшихся сыновей. Знала только, что один «у красных», другой «у белых»... В том спектакле были заняты все Рыжовы: старший, Рыжов-отец, играл роль белого полковника, а Николай, младший Рыжов,— Колосова...

Спектакли, сыгранные замечательным артистом за годы непрерывной актерской службы на одной и той же сцене, исчисляются не десятками, а сотнями. Солдат Блохин — человек искренний и добродушный, но и не без хитрецы и лукавства,— был выведен Рыжовым в «Порт-Артуре» на сцену более чем пятьсот раз.

Орденом Дружбы народов награжден актер-юбиляр. Поздравила Н. И. Рыжова с высокой наградой поистине вся страна.

Его любят. А это и есть главное актерское счастье.

Н. ТОЛЧЕНОВА

ЛЮБИТЬ СВОЕ ДЕЛО

Сцена из спектакля.

Фото В. Петрусовой

Орловский драматический театр имени Тургенева открыл в Москве предсъездовский фестиваль наиболее интересных спектаклей, посвященных современной тематике. Старейший коллектив (театр отметил свое 165-летие) познакомил зрителей с новой пьесой Л. Моисеева «Правда сердца».

Как и в первых своих работах, «Иней на стогах» и «Багряный бор», хорошо известных театралам страны, Леонид Моисеев и тут остался верен своей теме. Столь же ясно, четко он подчеркивает и раскрывает героизм сегодняшних будней, столь же страстно призывает бороться за Человека. В любом своем герое, пусть на первый взгляд пропащем, автор старается разглядеть душу, личность, так сказать, «единственность». Раскрыть ее, помочь найти свое место в жизни — задача самая благодарная, хотя и весьма трудная.

Но тем не менее неустрашимый Арженухин, герой «Правды сердца», смело берется за эту задачу и, как правило, добивается успеха. Секрет его на словах объясняется вроде бы просто — верой в людей. Но сколь же непросто проявить это качество на деле! Или, точнее, в конкретном деле...

Здесь же дело заключается в том, что директору птицефабрики Арженухину райком партии поручает провести, и притом, конечно, в сжатые сроки, полную перестройку своего хозяйства и «заставить» несушек нести яйца не простые, а золотые — на экспорт. Иван Арженухин (добрые люди говорят о нем: «палочка-выручалочка», а злые называют Иванушкой-дурачком) загорелся этой идеей. Он увидел размах, о котором всегда мечтал. Между прочим, в никакие такие особые условия его фабрика не поставлена, да и люди там не хуже и не лучше, чем везде. Но энергия их руководителя, его уверенность в победе, уверенность в каждом своем работнике постепенно передаются остальным членам коллектива.

Где ласковыми уговорами, где серьезной беседой по душам, где веселой шуткой, а порой и суровой требовательностью — так или иначе, но Арженухин сдвигает дело с нулевой точки. Однако тяжелая болезнь жены, которую надо везти в столицу, отрывает его от родного колхоза. Зоотехника Зинаиду Терскову, прекрасного, знающего работника и обаятельного человека, назначают вместо него. И... все рушится.

Вернувшись, Арженухин застает коллектив у разбитого корыта — надо начинать сначала. Он начинает...

И в то же время продолжает затянувшийся спор с Терсковой, которая не может понять ни причин своего поражения, ни самого Арженухина с его «патриархальными» методами руководства. Она полагает, что директор лишь потакает недостаткам людей, идет на поводу их слабостей, вместо того чтобы все силы направлять исключительно на работу и руководство ею.

Образ зоотехника — еще один «человек со стороны», ступивший на советскую сцену несколько лет назад. Деловитость, жесткость, сухость в отношениях с людьми: «интересы дела превыше всего» — таков был одно время, да еще и по сей день остается во многих пьесах, идеал современного героя. И Леонид Моисеев словно бы сталкивает тот идеал со своим. Разумности, рациональности Терсковой, ее «правде разума» автор противопоставляет «правду сердца» Арженухина, его любовь к людям, нежность и сострадание к ним... Чувствуется, театр на стороне Арженухина, но в то же время зрителю предоставляется возможность самому подумать и рассудить героев спектакля.

Надо сказать, что «Правда сердца» смотрелась с большим интересом еще и потому, что поставлена она автором пьесы — главным режиссером театра. И тут соединение воедино авторского и режиссерского видения, возможность драматурга самому «материализовать» свои персонажи послужили тому, что родился спектакль яркий и полнокровный, что герои его убедительны, они запоминаются, вызывают сочувствие. И в этом немалая заслуга прекрасного актерского ансамбля Орловского театра. Нельзя не упомянуть заслуженного артиста РСФСР П. Воробьева в главной роли, артистов Л. Борисову, Л. Макарову, Л. Баталову, А. Олешню...

Режиссура Л. Моисеева строга, лаконична, направлена прежде всего на создание выпуклых, многогранных человеческих характеров. Внешние атрибуты колхозной жизни воплощены здесь оригинально: каждая сцена заканчивается или начинается частушками (их исполняют два гармониста и две «колхозницы»), в которых народ и сейчас отражает свои думы и чаяния. Так что нам становятся известны, хотя и в несколько шутливой форме, многие проблемы современной деревни, помимо тех, что раскрывает автор в пьесе.

Кстати, «Правда сердца» удостоена третьей премии на Всесоюзном конкурсе пьес, посвященных труженикам села. Думается, что причиной успеха явилось глубокое знание автором предмета, о котором он пишет, и его активное, созидательное отношение к жизни.

Н. АЛЕКСЕЕВА

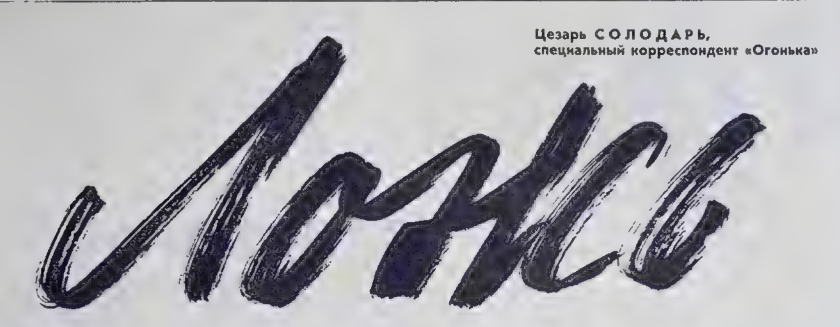
«Лицемеры» — так был озаглавлен цикл очерков, в которых я на основе личных наблюдений и встреч рассказал (далеко не исчерпывающе!) об оголтелом антисоветизме, пронизавшем деятельность многочисленных сионистских служб и организаций в Англии*. Читатель смог убедиться, насколько лицемерны мифические россказни о «лайковых перчатках» и работе «под сурдинку», якобы свойственных британским сионистам.

Что ж, английские сионисты не оригинальны в своем стремлении откреститься от диверсионных и провокационных дел международного сионизма. Подобные сказки слышал я и в Австрии («мы — тихие сионисты»), и в Бельгии («мы — самые обыкновенные»), и в Голландии («мы — только проповедники»). Словно не в Вене действует перевалочный пункт для заманенных в Израиль бывших граждан социалистических стран. Словно не в Брюсселе проводятся антисоветские «конгрессы» под провокационным предлогом «защиты прав» советских евреев. Словно не в Амстердаме противозаконно привлекают «двойных» граждан еврейского происхождения к идеологическим диверсиям против социалистических стран.

Но особенно рьяно отмежевываются от своей причастности к грязным делам международного сионизма лидеры его организаций во Франции.

Каково же истинное лицо французских сионистских служб? Как они выполняют задания, получаемые из США и Израиля, от главных центров международного сионизма? Каково их практическое участие в разжигании антикоммунизма и антисоветизма? Насколько очевиден и значителен вред, который приносит их деятельность людям еврейского происхождения во Франции и других странах?

Цезарь СОЛОДАРЬ,
специальный корреспондент «Огонька»

«МЕЖСЕЗОНЬЕ» В СИОНИСТСКОМ СТАНЕ

— Вы приехали в Париж в очень неудачное время. В сионистских организациях сейчас... не сезон. И с иностранным писателем не станет встречаться не только руководитель организации, но и самый обыкновенный исполнитель. Можете мне поверить,— прижимает руку к сердцу моя собеседница, — такой отход от контактов с прессой распространяется даже на тех, кто не является идейным противником сионизма.

Вот какую странную тираду услышал я от весьма близкой к сионистским кругам сотрудницы издательской фирмы «Белл Франс». Она подтвердила, что «в любое другое время» могла бы без особого труда помочь мне встретиться с кем-либо из сотрудников сионистских лиг, комитетов, обществ, советов, движений, ассоциаций, которыми отнюдь не бедна французская столица. Но сейчас...

Сейчас, как и раньше, я прекрасно понимал, что киты сионистских организаций Франции, вроде банкира Алена Ротшильда или популярного в аристократических кругах врача Эди Стада, и «в любое другое время» тоже отказались бы беседовать с советским писателем. Но почему вдруг наложено строжайшее «табу» на встречи сионистских функционеров абсолютно всех рангов с представителями печати?

— Сейчас со встречей никак не получится,—с любезной отчужденностью известила меня немолодая секретарша, восседавшая у двери в апартаменты руководителя «Сионистского движения Франции» на авеню Турбиго, 8.

— Разве сезон еще не открылся? — позволил себе шутливо спросить я.

— Вот именно, — вполне серьезно ответила мне дама. — Вы пришли к нам в межсезонье.

Ссылка на межсезонье промелькнула и в ответе назвавшего себя «только маленьким сионистом» сотрудника «Комитета сионистского социалистического действия» на рю Дави, 6, куда я позвонил по телефону.

И другие «маленькие сионисты» твердили мне о межсезонье так настойчиво, а порой и раздражительно, словно я, тупица, не хотел взять в толк, что никак нельзя посмотреть в Париже премьеру «Комеди франсез», если сезон еще не начался и театр попросту закрыт. Или просил выдать мне корреспондентский пропуск на сессию парламента в дни, когда депутаты разъехались на каникулы. Или собирался понежиться под щедрым средиземноморским солнцем на пляже в Ницце задолго до открытия курортного сезона.

Не домогался я ни первого, ни второго, ни третьего.

Я всего лишь хотел задать кому-либо из руководителей или функционеров сионистских организаций несколько вопросов. Рассчитывал, в частности, узнать, какие имеются основания высокопарно именовать деятельность французского сионизма «теоретической» и стоящей якобы далеко от присущих всему без исключения международному сионизму повседневных практических акций — таких, как применение провокационных средств при вербовке иммигрантов в «страну отцов», либо действенная поддержка (и не только моральная!) милитаристской и аннексионистской политики израильского правительства, либо нацеленные на социалистические страны идеологические диверсии.

Ох, до смерти не любят французские сионистские «теоретики» попадаться с поличным на практических делах! Вот один из многочисленных примеров того, как блюдут они свое благородное «теоретическое» реноме.

К изданию множества клеветнических брошюрок, замешенных в равной доле на сионизме и антисоветизме и предназначенных специально для заброски в социалистические страны, причастна главным образом так называемая «лига за репатриацию советских евреев». Уже по одному заведомо лживому термину «репатриация» можно судить о далеко идущих планах ее организаторов — американского миллионера Графмана и израильского Мирельмана. Тем более что они сумели привлечь к финансированию этой диверсионной сионистской службы многих крупных западноевропейских коммерсантов, преимущественно во Франции и Англии. Вот в этих двух странах и сосредоточила лига фабрикацию компактных брошюрок, издаваемых на тончайшей, чуть ли не папиросной, бумаге — не ради одних удобств контрабандного свойства. Значительную часть клеветнической продукции аппарат лиги рассылает гражданам социалистических стран этакими портативными почтовыми бандеролями.

Но только из Англии! Штемпелей французской почты вы на подобного рода отправлениях не обнаружите, хотя в фабрикацию брошюрок французские сионисты вкладывают не меньше средств, нежели английские. Отчего же рассылка — даже по раздобытым эмиссарами французских сионистских организаций адресам — идет исключительно с английской территории? Оттого, оказывается, что руководителям французского филиала лиги удалось выговорить для себя у лондонских коллег право не девальвировать «практическими мелочами» свою высокую «теоретическую» репутацию! Вот оно как!

Если бы мои беседы с заправилами сионистских организаций Франции состоялись, я мог назвать им немало лежащих, что называется, на поверхности «текущих дел» диверсионного оттенка, которые начисто опровергают демагогическую трескотню о каком-то «коренном отличии» этого отряда от других отрядов международного сионизма.

Были у меня к заправилам сионистских организаций Франции и такие вполне конкретные, как говорится, вопросы по поводу грубо «практических» акций в изысканно «теоретической» упаковке:

* «Огонек», 1980, №№ 9—14.

— Почему парижское бюро информации алии (алия — так сионисты называют миграцию евреев в Израиль) на рю Рихерт, 52, призванное по своему статуту «обеспечивать всех интересующихся информацией по Израилю», занято несколько иной деятельностью, а именно: распространяет клеветническую литературу о социалистических странах и попутно вылавливает израильских беженцев с тем, чтобы выдворить их — если не обратно в Израиль, то по крайней мере в страны, где, по мнению Всемирной сионистской организации, наличествует «дефицит» евреев?

— Кому же в конце концов — сотрудникам представительного совета еврейских учреждений Франции или все-таки активистам «фронта еврейских студентов» — принадлежит пальма первенства в методической травле бежавших из Израиля братьев-близнецов Аркадия и Леонида Вайманов? Кто именно довел их, осмелившихся публично заявить, что «сионизм — это источник зла, представляющий опасность для мира», до полного отчаяния и попытки самосожжения?

— Как относятся руководители союза сионистов Франции к тому, что французский филиал «Бнай-Брита» (кстати, всячески отмежевывающийся от связей с «обычными» сионистскими организациями) осуждает борьбу за переселение французских евреев в Израиль и настойчиво доказывает, что «историческая родина» — место исключительно для евреев восточноевропейских стран?

— Отчего представительный совет еврейских учреждений Франции не осуждает узаконенное в подчиненном ему «объединении друзей кибуцев» и в других «еврейских учреждениях» отношение к выходцам из Алжира и Марокко как к неполноценным, второсортным евреям? Разве это не противоречит особенной приверженности председателя совета Адольфа Стега классовым, а не расовым признакам сионизма?

— Почему руководители французского сионизма не отмежевались перед лицом израильской общественности от депутата кнессета Флатто-Шарона — беглого преступника, осужденного во Франции за неоднократные крупные мошенничества? Разве у вас не известно, что этого афериста окружают в Израиле ореолом активного в прошлом вожака французских сионистов?

— Сохраняет ли сионистская пресса Франции свою ведущую роль в «войне слов» израильского милитаризма против арабских народов? Вы ведь не забыли, конечно, признание вашего журналиста Ленемана на всемирном съезде евреев-журналистов в Иерусалиме: «Еврейские журналисты в мире, а особенно во Франции, не ждали призывов и обращений в дни июньской войны... Сионистская пресса долгие годы выполняет свои обязанности, и в значительной мере ее заслугой является то, что произошло в июне 1967 года».

— Не расходятся ли утверждения вашей прессы об отсутствии во Франции произраильского лобби с тем фактом, что несколько организаций (главным образом руководимый Соломоном Фридрихом комитет солидарности французских евреев с Израилем и группа французско - израильского альянса) победно трубят о каждом новом проникновении своих лоббистов в среду парламентариев?

— Чем иным, как не стремлением усилить засылку сионистских эмиссаров под видом туристов в Советский Союз, можно объяснить все растущую финансовую помощь филиалов израильского «Сохнута» и американского «Джойнта» антисоветскому «комитету поддержки евреев в СССР» — разве не этот комитет практически занимается засылкой эмиссаров?

— Известно ли «Сионистскому движению Франции», особенно активно работающему с молодежью, что юнцы из сионистской организации под идиллическим названием «Французская ассоциация университетских друзей из Тель-Авива» перешли от словесных убеждений к расправе кахановскими методами с «равнодушными к Израилю» молодыми евреями?

— В Гренобле мне рассказал житель еврейского происхождения, что местные сионисты внесли его имя в существующий у них долгие годы список «непатриотичных» евреев. Ссылаясь на злоключения своих лионских друзей, он утверждал, что такой список завели и сионисты Лиона. Что это — собственная инициатива гренобльских и лионских сионистов? Или норма для всех ваших местных организаций?

— Много ли в стране фирм, предприятий, магазинов, банков, контор, где, как это практикуется на трикотажной фабрике Або Руди в Париже, от служащих и рабочих еврейского происхождения требуют обязательной причастности к сионизму?

— Только ли потому так рьяно французские сионисты выдворяют из страны израильских беженцев, что пекутся об интересах Израиля? Не играет ли значительную роль и такой мотив, высказанный в «объединении еврейского призыва» совладельцем фирмы оптовой продажи тканей Самюэлем Вейнрадом: «Евреев же мы не наймем подметальщиками и ассенизаторами, для этого годятся только негры, арабы, на крайний случай — португальцы»?

— Непрестанные распри между молодежными организациями сионистов и провал попыток централизовать все ваши сионистские институции под эгидой Союза сионистов Франции — это плод каких-либо идейных разногласий или просто борьба за престиж, за влияние, за финансовую базу?

— Почему библиотека парижского сионистского культурного центра, гордящегося своей «борьбой за возрождение среди французских евреев национальной культуры», прячет в закрытых фондах советские издания еврейской художественной литературы на идиш и мотивирует это тем, что... никто из парижских евреев все равно не знает и не стремится знать идиш?

— В какую сионистскую организацию входит Франсуа Тонье — один из французских «туристов», задержанных с поличным советскими таможенными властями при попытке ввезти в Советский Союз сионистскую литературу, материалы антисоветского содержания и деньги плюс адреса лиц, которым все это следовало нелегально передать? Франсуа Тонье избрал для своего «путешествия» не поезд, не самолет, а автомобиль, где под обшивкой салона был оборудован особенно вместительный и «надежный» тайник. На собетвенном автомобиле, рассчитывали хозяева Тонье, ему легче было бы добраться до поименованных в списке адресатов.

ГРУСТНОЕ ПИСЬМО ПАРИЖАНКИ

Интересовало меня, естественно, и то, чем смогут объяснить лидеры сионистских организаций Франции свое терпимое, мягко говоря, отношение к потоку антисемитской литературы, к нарастанию погромных вылазок профашистских элементов. Состоятельные французские сионисты в истинном, а не показном отношении к антисемитизму ничем не отличаются от своих собратьев в других странах, ибо тоже видят в антисемитских акциях средство расширения и ускорения эмиграции «простых» евреев в Израиль. Поэтому я не собирался задавать вопрос на эту тему впрямую. Рассчитывал вместо этого ознакомить моих предполагаемых собеседников с непритязательным, но искренним человеческим документом. С письмом из Франции в Венгрию от жены лионского врача к своим будапештским родственникам. Они вручили мне в Венгрии точную копию письма:

«Вы можете подумать, что я повредилась умом, но, честное слово, девочки вдруг засомневались, а действительно ли моего незабвенного отца сожгли наци в газовой печи? Им в школе сказали, что Треблинка, Освенцим и каждый фашистский лагерь-ад — чисто еврейская выдумка. У нас появилась напечатанная в Париже книга с фотографиями о гуманном обращении наци с депортированными евреями. Получается, деда вывезли из Венгрии не на смерть. Теперь вы понимаете, как Якобу и мне все труднней становится воспитывать детей в антифашистском духе? Если появятся еще такие книжки и учителя не порвут их на глазах у школьников, юные перестанут нам верить, что гитлеровцы — звери.

Приезжала из Бирмингэма Лиззи и сказала, что у них, в Англии, с антисемитизмом еще опасней. Там после избиения нежелательных цветных некоторые евреи получают письма: ждете, чтобы и вас так отделали? Конечно, это страшнее, чем у нас, но мне от этого не легче и не спокойнее за девочек. Я вдруг вспомнила, как мне говорили, что французская антисемитская книга переведена с английского.

Якоб и я—мы ломаем себе голову над тем, почему против антисемитизма не слышно внушительного слова наших сионистов. Ведь они у нас вроде бы энергичная часть общества, но, по-моему, тратят всю свою энергию на то, чтобы каждый раз напоминать таким, как мы: вы хотя и граждане Франции, но не забывайте, что вы прежде всего евреи, а еврейское государство — это все-таки Израиль. В Париже есть комитет или ассоциация, которая руководит всеми сионистами во Франции. Неужели она не может сказать им, собирающим среди евреев столько средств и для деятельности у нас, и для помощи Израилю, что им надо, наконец, так выступить против антисемитизма, чтобы во Франции и следов от него не осталось? Если бы всякие правые и профашисты знали, что такое указание исходит от таких, как Ротшильд, они бы призадумались. Тем более что французский народ, можете мне поверить, презирает антисемитизм. Еще много лет назад я услышала вроде бы поговорку: признать себя антисемитом — все равно, что признать себя сифилитиком. Так говорилось о французах. А теперь я бы сказала так о сионистских политиках, которые по соображениям своей партии и, вероятно, Израиля равнодушны к антисемитизму.

Наши сионисты все время с гордостью шумят: «Америка, Америка» — так неужели они не могут привлечь против неофашистов сотни тысяч американских евреев, среди которых столько всесильных! Лиззи уверяла, что в Америке тоже наблюдается антисемитизм, но я думаю, что она из-за разгулявшихся нервов преувеличивает. Я ее понимаю. Она ведь тоже мать, а в Англии, наверно, еще больше позволяют сегодняшним последователям наци.

Чувствую, что Якоб знает больше меня про политику сионистов в этой страшной проблеме, но не договаривает, не хочет меня волновать. Неужели они молчат, потому что... Даже страшно выговорить, не то чтобы написать.

Якоб мне посоветовал просить вас, дорогие Магда и Шандор, как это ни будет для вас тяжело, написать нашим девочкам правду, как наци сожгли их деда и других родных. Вы сделаете не только большое благодеяние нам, но очень много сделаете для девочек. А то в их понимании это далекое, далекое прошлое, какие-то древние годы, им просто не понять, что историю того страшного времени сейчас кому-то хочется истолковать превратно. И самое страшное— что общественные деятели, которые считают себя представителями евреев и в Израиле, и в Америке, и повсюду, либо еще не вполне разобрались в том, что происходит, либо разобрались, но предпочитают чего-то выждать. Поневоле закрадывается мысль, что для сионистов в этом какая-то скрытая политика. Ох, не хотела, а опять-таки высказала свои подозрения, но скребут они мою душу. И Якоб тоже, чувствую, переполнен ими. Не просто же так он все время со вздохом говорит, что, когда все наши сионисты действуют вместе, они заставляют считаться с собой самых влиятельных лиц и во Франции и за границей, что их лобби — эквивалент чего-то очень, очень сильного. Почему же мы не чувствуем их объединения и решительности в такой страшной неофашистской проблеме, которая, не думайте, дорогие, что я преувеличиваю, все опасней надвигается на нас. Уже в каком-то доме по улице Жан Муанон имеет свою резиденцию антисемитская шайка. Ее шеф (фами-

лия, кажется, Фредерик) приказывает своим хулиганам писать фашистские угрозы на еврейских домах. Особенно полюбился им район Сен-Март — вы понимаете, дорогие, почему. Многие евреи стараются выехать из этого района. Там даже подешевели квартиры, а это, помните, я вам уже писала, в Париже фантастика. Я очень волнуюсь, хотя не знаю еще всех подробностей про шайку...»

Женщина, чье письмо я привел, сейчас уже, вероятно, знает многие подробности, характеризующие явно фашистскую деятельность так называемой ФАНЕ *, которой руководит Марк Фредериксен. Молодчики из этой «ассоциации национальных и европейских действий» малюют на витринах магазинов гитлеровскую свастику и надпись «Смерть евреям!». В эсэсовских мундирах выученики новоявленного фюрера разгуливают по улицам, горланят нацистские песни, терроризируют «нечистых» французов. За поджог и разгром помещения одной из антифашистских организаций французской столицы полиция вынуждена была арестовать одиннадцать преступников из ФАНЕ, но вскоре отпустила их по причине «недостаточных улик».

В Париже мне показали листовку с перечнем глубоко враждебных французскому народу «идеалов» пронацистской ассоциации. Антисемитизм занимает в этом перечне не последнее место. Немало своих «национальных и европейских» выходок Фредериксен намечает против лиц еврейского происхождения. Казалось бы, сионистским организациям, так любящим выступать от имени еврейских общин, следовало бы ударить в набат! Нет, они выжидают, молчат, бездействуют — ведь аристократов и богачей ФАНЕ не смеет задевать.

Только коммунисты и их печать по-настоящему забили тревогу. И если все-таки состоится суд над Фредериксеном, обвиняемым в апологии насилия, разжигании расовой ненависти и подстрекательстве к расовой дискриминации (вот какой букет преступлений неонацистского вожака зафиксирован обвинительным актом!), то это прежде всего результат энергичного обращения группы коммунистов — муниципальных советников к префекту Парижа.

Но эти и многие более существенные подробности антисемитских акций ФАНЕ прекрасно известны заправилам сионистских организаций Франции.

К сожалению, мне не удалось показать им правдивое, а главное — остро разящее сионизм письмо парижанки еврейского происхождения. Они с завидным постоянством уклонялись от встречи с советским литератором, поручая своим секретаршам убеждать его, что «сезон» у них еще не начался.

Понимаю, читатель может воспринять болтовню о межсезонье, как скверный и неумный анекдот. Но я ничего не убавил и не прибавил.

Что же в действительности крылось за этими демагогическими отговорками?

КРИЗИС, РАСКОЛ, РАЗОЧАРОВАНИЕ

Поначалу возникла такая догадка.

Унылое выжидание царит среди французских сионистов из-за того, дескать, что, возглавляемые бароном Ротшильдом, их делегаты на 29-м всемирном сионистском конгрессе вернулись из Иерусалима подавленными и огорченными. Конгресс, приуроченный к 80-летию сионизма, открылся, рассказывали они, довольно помпезно. Не было недостатка в барабанных речах Бегина и его министров, выступали и киты международного сионизма — Шендлер из США, лорд Фишер из Англии, высказался и Ротшильд. И все же...

«Отдельные делегаты горе-сионисты вели себя так, словно на пикнике в лесочке, давая повод всем и вся на свете толковать, как им угодно, о сионизме, о правительстве, о народе еврейском в Израиле, о евреях в странах диаспоры,— так раздраженно писал об итогах конгресса ортодоксальный тель-авивский журнал «Шалом».— На виду у всего мира они позволяют себе затевать диспут: быть или не быть еврейскому государству? Они продолжают заниматься демагогией по вопросу о необходимости алии, которая действительно умирает, прежде всего алия из России. Из других стран тоже не торопятся евреи переезжать в Эрец Исраэль. Не спешат возвратиться на родину и сотни тысяч нордим, рожденных на земле Израиля. Нашлись на конгрессе сионисты, разуверившиеся в возможности единства всех национальных сил ради успешного решения действительно тяжелых внутренних и внешних проблем Израиля...»

Вот оценки авторов других сионистских газет и журналов, преподнесенные читателям под видом «отдельных недостатков» конгресса и старательно припудренные пыльцой помпезных фраз о грядущих успехах международного сионизма:

— Иногда создавалось впечатление, что обсуждались не насущные задачи мирового сионизма, а неудовлетворительный отчет о состоянии дел в Израиле.

— Как могли допустить авторитетные люди из ВСО, чтобы на таком конгрессе, где присутствовали сионисты почти из всех стран, раздавались гнусные пораженческие речи!

— Над конгрессом, порой напоминавшим судилище над сионизмом, часто веяло «Виновен» и редко добавлялось «Но заслуживает снисхождения».

— Элементы, которые злобно посмеиваются над проверенной жизнью формулировкой «Чтобы потом было хорошо, пусть пока будет плохо», могли собрать на конгрессе большой урожай «нахес» (труднопереводимое с идиш слово, приблизительно означающее удовлетворение, наслаждение.— **Ц. С.**).

Вернувшиеся с конгресса делегаты французских сионистов даже не пытались скрыть своего разочарования, смешанного с изрядной растерянностью.

«Как будто собирался на свадьбу, а попал на развод» — так охарактеризовала выступление одного из делегатов участница собрания парижского филиала женского сионистского объединения.

— Если бы Теодор Герцль восстал из гроба и услышал, как на конгрессе позволяли себе говорить о внутренней и внешней политике сионистов, стоящих у руля государства Израиль, он тут же скончался бы от разрыва сердца! — это из записанной на собрании в объединении друзей кибуцев речи делегата иерусалимского конгресса. — Сомневались, может ли Израиль быть целостным! Утверждали, что всеобщая алия не осуществляется и не может осуществиться, не хотят переселяться евреи диаспоры в Израиль! Доказывали цифрами, что количество уезжающих из Израиля превышает количество приезжающих, что даже коренные израильтяне, чьи отцы и матери родились в Эрец Исраэль, готовы кое-как ликвидировать отцовские дела и покинуть страну! Кто это, спрашивается, может выдержать!

Менее эмоционально, но в таком же тревожном духе проходило на рю Дали, 6, собрание тех, кто примыкает к так называемому «комитету социалистического сионистского действия». Особенно злобно орудующие под социалистической личиной сионисты поносили бывших граждан Советского Союза и других социалистических стран за то, что «они плюют на проблемы сионизма и продолжают оставаться чужими на земле израильской». По утверждению докладчика, их голос так и не услышали на конгрессе, ибо «заранее было известно, что они больше заняты мыслями, куда выгоднее бежать из еврейского государства».

Особенно неприятно резали слух делегатов с берегов Сены в Иерусалиме настойчивые упоминания о провале алии. Это были укоры не в бровь, а в глаз. Чего греха таить, ведь вместе с сионистами других западноевропейских стран французские тоже в свое время упоенно и браво заверяли израильских руководителей: «Сагитируем, заставим, переселим!». О том, каких именно евреев намереваются сагитировать, заставить и переселить на землю отцов — французских или восточноевропейских, — они стыдливо умалчивали. А израильские собратья покамест деликатно не спрашивали.

Потом все-таки спросили. Из Парижа последовали пространные ответы и объяснения, сводившиеся в общем-то к одному: как и вожак сионистских «практиков» Майкл Фидлер в Лондоне, «теоретики» в Париже считают своей первейшей обязанностью «содействовать» переезду в Израиль не своих земляков, а евреев из СССР и других социалистических стран, ибо для таковых это «не эмиграция, а репатриация на их национальную родину».

Сорвалось, однако, и с «репатриацией». И тогда, отбросив всяческие деликатности, израильские сионисты стали тыкать в лицо французским единомышленникам их торжественные обещания обеспечить всемирную алию. В Париже, между прочим, с улыбкой вспоминают о таком случае.

Французские сионисты в 1976 году раструбили по многим странам, и прежде всего в Израиле, об организованной ими произраильской манифестации парижских евреев. На эту манифестацию, крикливо названную «12 часов для Израиля» (хотя ее участники поспешили разойтись по домам спустя 25 минут), были организованно доставлены несколько сот евреев из провинции, еще так недавно «неприметных и пассивных» — вот на что хвастливо налегали организаторы манифестации. Специально подчеркнул это в своей информации для Израиля и один из организаторов манифестации — лидер «объединенного еврейского социального фонда» Клод Грос. И хотя фонд раскошелился на немалое денежное поощрение манифестантов, сионистская пресса с ехидцей ответила на победные реляции: было бы, дескать, намного лучше, если бы «неприметные и пассивные» евреи из провинции приехали не на пару часов в Париж, а навсегда в Израиль.

Встревоженные такой отповедью, парижские сионисты срочно отрядили своих посланцев в Израиль на встречу в Нетании с израильтянами, которых местная пресса отнесла к «франкоязычным». Это мероприятие призвано было «укрепить узы между Израилем и еврейством Франции». Увы, в Нетании парижанам пришлось выслушать уж совсем откровенные упреки в неумении обеспечить алию, из-за чего провалился план «всеобщего переселения еврейства на историческую родину». Подобные упреки, все более злые и назойливые, руководителям французского сионизма приходилось выслушивать еще не раз накануне юбилейного конгресса.

Удивительно ли, что после иерусалимского сборища среди французских сионистов, прежде всего парижских, воцарилась особенно безрадостная атмосфера. Вот тогда-то и возникла небезосновательная догадка, что столь невеселые итоги долго рекламировавшегося и старательно подготовлявшегося юбилейного конгресса заставили руководителей сионистского стана во Франции объявить «межсезонье». Простейший способ уклониться от встреч с «чужими» и, пока еще не зарубцевались свежие раны, не давать никакой информации несионистской прессе!

Продолжение следует.

* ФАНЕ официально распущена 3 сентября 1980 года. Но тут же сформированная на ее основе неофашистская организация ФНЕ («Европейские национальные группы») уже месяц спустя учинила потрясшее всю Францию кровавое преступление в Париже на улице Коперника. Мне хорошо помнится эта тихая улица, где я долго беседовал с группой западногерманских евреев, приехавших из Мангейма и Мюнстера прощупать, по их выражению, а не безопаснее ли евреям жить здесь, а не в ФРГ. И вот 4 октября на улице Коперника в припаркованной вблизи синагоги автомашине взорвалась бомба. Взрыв был настолько сильным, что людям на прилегающих улицах почудилась бомбежка. Четыре человека погибли, шестнадцать ранены. Взрывная волна повредила пять жилых домов. Случись взрыв в более оживленный час, число жертв исчислялось бы, по мнению журналистов, несколькими десятками. Вчера — ФАНЕ, сегодня — ФНЕ, не в буковке суть, а в том, что эта неприкрыто террористическая организация заняла свое заслуженное место в западноевропейском «черном интернационале» террористических служб неофашизма.— **Ц. С.**

В залах выставки.

Фото А. Бочинина.

ГЛУБИНА ЧУВСТВ ХУДОЖНИКА

В Москве открыта выставка произведений художника Юрия Михайловича Ракши. Здесь показаны станковые картины, портреты современников, эскизы декораций кинофильмов, в оформлении которых он принимал участие. Во всех этих работах — взволнованное, серьезное отношение к жизни, к человеческой личности, которое было свойственно этому мастеру.

Собранные в экспозиции произведения свидетельствуют о значительности рано оборвавшихся творческих поисков Юрия Ракши, об открытии им особого мира, в котором зритель всегда будет видеть чистоту помыслов, глубину чувств, большую человеческую мудрость.

ПОД НОМЕРОМ 77362...

В истории чудовищных злодеяний гитлеровцев есть страницы не так уж известные — судьбы маленьких узников третьего рейха. В одном только Освенциме их было около семисот тысяч. Уцелело лишь сто восемьдесят. О страшной этой трагедии — повесть Ирины Ирошниковой, повесть-обвинение, повесть-призыв: «Люди, спасите мир от войны!»

...В Москве шел Всемирный женский конгресс. Корреспондентом «Огонька» на нем была писательница Ирина Ирошникова. Журнал опубликовал ее очерк о делегате конгресса Нине Гусевой, чья речь буквально потрясла зал.

...Молодая учительница со Смоленщины. Мужа замучили фашисты. Единственный ребенок погиб. Нину схватили гестаповцы и посадили в камеру Рудненской тюрьмы, где находились и дети. Их вместе с Ниной привезли в Освенцим и бросили в холодный, темный, продуваемый всеми ветрами детский барак. С нею на нарах спала маленькая девочка из Белоруссии, Людочка Безлюдова. Отца ее казнили в Борисове, а мать перегнали из Освенцима в другой лагерь...

Опубликованный в «Огоньке» очерк вызвал поток писем. Спрашивали: как сложилась жизнь Людочки? Между тем в Польше отыскался ее след, и редакция отправила к ней И. Ирошникову, чтобы поведать о послевоенной судьбе девочки.

«...В маленьком городке, — расскажет позже писательница, — я встретилась с нею, только теперь ее звали Ганкой, и фамилия у нее была польская».

Ирошникова начала поиски тех, кого постигла судьба Ганни, встречалась с теми немногими из бывших маленьких узников концлагерей, которым посчастливилось дожить до часа освобождения, встречалась с польскими и советскими женщинами — матерями по законам материнства и по неписаным законам гуманности.

С большим душевным волнением следишь за всеми перипетиями человеческих трагедий, порожденных фашизмом, войной: трагедии крохотули Татьянки, брошенной под номером 77362 на нары барака Освенцима; ее матери Катерины Климушиной, на всю жизнь запомнившей стылый январский день сорок пятого года, когда женщин угоняли из Освенцима в глубь Германии. «...Я попрощалась с Татьянкой — через проволоку. Так она и осталась в памяти...»

Пройдет много лет неустанных поисков Татьянки, затерявшейся в вихре военных невзгод, пока наконец в домик Климушиных на белорусской земле не придет радостная весть: она жива, Зося-Татьяна! Она в Кракове, в семье пани Кристины. И летят туда, омытые материнскими слезами, увы, безответные письма: «Доченька! Приезжай! Приезжай вместе с мамусей, приезжай хоть для того, чтобы перед смертью повидать тебя». А Зося не хочет ехать, для нее теперь «мамуся» — это пани Кристина... И все же жизнь выводит Зосю с пани Кристиной к порогу дома Климушиных.

...Шумит застолье. Зося поднимает тост «за нашу теперь большую семью». Кажется, все прекрасно. Но это только кажется. Сидят за столом «две мамы», и обе не чувствуют себя счастливыми. Плачет Кристина («Не надо было сдаваться, не надо было ехать. Ведь и Зося не хотела этой поездки»). Понурила голову «пани Катерина», которая поняла «то, чего раньше не понимала, как нелегко далась Кристине эта поездка. Как нелегко и непросто пришлось ей в ее, Катином, доме». И вот наступает та кульминация, к которой неторопливо ведет читателя автор. Решительно раздвинув людей, Катя подошла к Кристине... «Любенькая моя! Не плачь... Она же с тобой, Зося. Никто ее не отнимет у тебя...»

Так они сидели рядом — мама и «мамуся». И обе несчастливы. Автор спокойно вроде бы отмечает: «Никто из них не повинен в этом, ни Катя, ни Кристина». Но виновные есть — фашизм, война!

Л. ЛЕРОВ

Ирина Ирошникова. «Здравствуйте, пани Катерина. Эльжуня». М., «Советская Россия», 1979, стр. 284.

И СНОВА — «ВОЛГА»

Эта машина с табличкой «Испытания», где бы она ни появилась, сразу вызывает всеобщий интерес: еще бы, новая «Волга»! Даже те, кто никогда в жизни не садился за руль, с любопытством заглядывают в машину сквозь оконные стекла — что же там в самом деле нового?

С таким же вопросом мы обратились к исполняющему обязанности главного конструктора легковых автомобилей Горьковского автозавода Виктору Михайловичу Малявину.

— Новая модель «Волги» носит название ГАЗ-3102. Чем она отличается от выпускаемой сегодня ГАЗ-24? Модернизируя прежнюю конструкцию, мы стремились создать современный, комфортабельный автомобиль. Если говорить об особенностях ГАЗ-3102, то следует, видимо, начать с форкамерного процесса двигателя, который значительно улучшил динамику машины, повысил ее экономичность. Еще из обнов можно назвать вакуумный усилитель, дисковые тормоза передних колес — впрочем, для большинства читателей будет понятнее, если я просто скажу, что ГАЗ-3102 легок в управлении, надежен в эксплуатации, безопасен для пассажиров. При модернизации автомобиля учтены все требования, предъявляемые к легковым машинам европейскими нормами.

Есть изменения во внешнем виде «Волги», обновился интерьер ее салона.

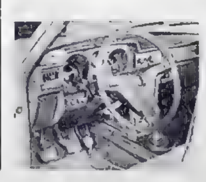
— Модель ГАЗ-24 изготавливается в нескольких вариантах. А новая машина?

— Пока предусмотрено, что ГАЗ-3102 будет выпускаться, кроме основного варианта, как такси и с кузовом «Универсал».

— Когда эти машины выйдут на трассы?

— На заводской конвейер они станут в 1982 году. Сейчас новая модель прошла приемочные испытания Государственной комиссии, коллектив завода решил изготовить первую партию ГАЗ-3102 к открытию XXVI съезда КПСС.

Б. СМИРНОВ

Так выглядит салон автомобиля ГАЗ-3102.

Фото Н. Добровольского

Наум ЛАБКОВСКИЙ

Сказка

РАССКАЗ

Верочка гладила носовые платки и плакала, поэтому утюг шипел несколько чаще, чем ему полагалось.

— Что я сделала? — приговаривала Верочка.— Почему он так...

«Он» в этой маленькой драме — Ваня. Муж Верочки.

Несколько минут назад он хлопнул дверью и с криком: «Все! Довольно с меня! Требую развода!» — выбежал из квартиры.

Мне одинаково симпатичны Верочка и Ваня. Прекрасная молодая супружеская пара. Оба красивые. Оба работящие. Оба умные. И вдруг развод!

Я попытаюсь беспристрастно разобраться в конфликте и выслушаю сперва Верочку, которая гладит на кухне носовые платки, роняя слезинки на раскаленный утюг, а затем Ваню, который, выскочив из квартиры так, будто раскаленным утюгом погладили его самого, не вызвал лифта и не потопал по лестнице пешком, а прижался ухом к замочной скважине и ждет, не послышится ли просящий возглас: «Ваня! Куда ты! Вернись! Я все прощу!»

Но поскольку такая просьба не поступает, а Ване деваться некуда — на улице холодно и сыро, он же впопыхах выскочил без плаща, без кепки и даже без свитера,— я после Верочки выслушаю его. И, даже если зуб на зуб у него не будет попадать, так ведь не до такой же степени, чтобы нельзя было разобрать, чем он объясняет свое желание развестись с молодой женой, с которой только два месяца назад расписался в районном загсе под свадебный марш Мендельсона в магнитофонной записи ансамбля скрипачей местного оперного театра.

— Что за народ такой — мужчины? — продолжала жаловаться себе Верочка.— Им слова нельзя сказать, они сейчас же лезут в бутылку.— Тут Верочка пожала плечами, словно усомнившись в справедливости своих обвинений.— Почему именно в бутылку? Ведь не все мужчины пьющие. Мой Ваня, например, капли спиртного в рот не берет. Зря я ему про бутылку сказала. Ну, а он? «Все женщины одинаковые!» Получается, что я такая же, как Алка? Она шепелявая и картавая, а я выговариваю все буквы до единой... И он смеет сравнивать меня с нею!.. Бегемот косолапый!.. Пожалуй, про бегемота тоже не надо было ему говорить. Бегемоты страшные, а мой Ваня красавчик. Глаза черные-черные, а сам блондин. Чудо природы... Про чудо природы тоже надо было промолчать. Но ведь нет никаких сил терпеть, когда он шаркает ногами. Ходит, как старая галоша... Про старую галошу тоже не следовало ему говорить...

На этом месте утюг зашипел несколько чаще.

— Ну, запустила в него тапочкой. Подумаешь! Завизжал на весь дом, как будто в него запустили утюгом. Не мужчина, а тряпка!.. Пожалуй, про тряпку я тоже зря сказала. Но из-за чего все началось? Я крикнула ему: «Иди завтракать!» А он под радио зарядку делает. Я крикнула: «Перестань бегать по комнате, настоящие мужчины бегают на стадионе». А он запустил радио на полную мощь. Вот тут я и запустила в него тапочкой... Нет, тапочкой я запустила позже. Тут я ему вылила стакан холодной воды за майку. Господи! Что было! Он завизжал так, будто это крутой кипяток! Тоже мне мужчина. Морковная тефтеля... Пожалуй, про тефтелю лучше было не говорить...

Верочка перестала ронять слезы на утюг, вытерла глаза недоглаженным платком, на носках прошла в прихожую и прижала ухо к замочной скважине.

— Ничего не слыхать. Неужели ушел? Без свитера... в одной майке!

— Ничего не слышно,— вздохнул Ваня по другую сторону двери,— и ничего не видно. А что, если ей плохо? Если она лежит без сознания... Ну зачем я бегал по комнате, когда она ждала меня к завтраку! Бедная Верочка! Чуть проснется — сразу к плите. А я, эгоист,— вдох-выдох, прыжки на месте, наклон вперед, выгиб назад. Шаркаю ногами, как бегемот. Никакие нервы не выдержат! Бедная Верочка, наивный ребенок, вылила мне за шиворот стакан холодной воды. Разве меня стаканом уймешь? Ведро надо было вылить!.. Но, с другой стороны, женщинам уступать нельзя. Стоит отпустить узду, и не заметишь, как сам окажешься под седлом. А мне так хочется отпустить узду. Бог с нею, пусть седлает!.. Вот отопру сейчас дверь и скажу: «Верочка! Прости меня! Я действительно бегемот, косолапое чудо природы, морковная тефтеля, старая галоша...» Все! Иду признаваться.

Ваня полез в карман за ключами и обнаружил, что ключей нет. Он выскочил из дому не только без плаща и без свитера, но и без ключей.

И тут сам собой, без всякого Ванного участия, из груди его вырвался жалостливый вопль:

— Верочка! Открой! Я больше не буду!

— Ага! — торжествующе сказала Верочка по другую сторону двери.— Объявился, не запылился! Так я тебе и открою. Будешь знать, как издеваться над несчастной женщиной.

Ваня забарабанил кулаками по двери.

— От-кро-о-о-ой!

— Не открою, — твердо сказала себе Верочка.

И вдруг вспомнила:

— Ведь он же без плаща и без свитера, в одной майке... Простудится!

И, повернув ключ в замке, толкнула дверь.

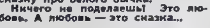
— Ой, мама! — взвыл Ваня и, отлетев на метр, схватился за лоб, на котором медленно вздувалась шишка.

— Так тебе и надо! — всхлипнула Верочка, поднимая Ваню с пола, помогая ему пройти в комнату, укладывая его на диван и покрывая его лоб целительными поцелуями.— Не будешь выскакивать из дому в чем зарядку делаешь! Не будешь шаркать ногами! Не будешь запускать радио на всю мощь! Не будешь лезть в бутылку!..

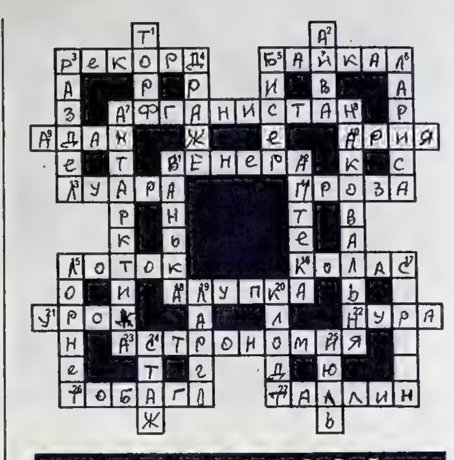
— Бу-у-у-у-ду! — неожиданно заорал Ваня и кинулся к выходу.

Чтобы узнать, что было дальше, надо читать рассказ сначала. Как сказку про белого бычка.

Ничего не поделаешь! Это любовь. А любовь — это сказка...

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Наивысшее достижение в спорте. 5. Озеро в Восточной Сибири. 7. Государство в Азии. 9. Автор балета «Жизель». 10. Сольный номер в опере. 11. Планета. 13. Река во Франции. 14. Тип литературы. 15. Открытый прилавок для торговли. 16. Народный поэт Белоруссии. 18. Курорт в Крыму. 21. Работа, заданная ученику. 22. Река в Казахстане. 23. Наука о Вселенной. 26. Остров в Вест-Индии. 27. Столица союзной республики.

По вертикали: 1. Топливо, удобрение. 2. Южное плодовое дерево. 3. Часть текста книги. 4. Сорт конфет. 5. Разноцветные бусинки для вышивания. 6. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Бесприданница». 7. Южная полярная область. 8. Подставка, опора для обработки металла. 11. Рассказ А. П. Чехова. 12. Фармацевтическое учреждение. 15. Складные очки с ручкой. 17. Живописец, народный художник СССР. 19. Медленный темп в музыке. 20. Скульптор, автор конных групп на Аничковом мосту в Ленинграде. 24. Продолжительность трудовой деятельности. 25. Месяц года.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали: 1. Транспарант. 5. Банан. 6. Илька. 7. Фаза. 9. Плюс. 12. Мартиника. 16. Запад. 18. Тагил. 19. Олово. 20. Артек. 22. Ордер. 24. Октет. 25. Аудитория. 28. Репс. 30. Роза. 31. Весло. 32. «Алеко». 33. Турчанинова.

По вертикали: 1. Туба. 2. Сонет. 3. «Арион». 4. Трап. 7. Фейхтвангер. 8. Залог. 10. Лассо. 11. Стенограмма. 12. Моллакара. 13. Резерфорд. 14. Индикатор. 15. Аэрология. 17. Пилот. 21. Тулуп. 23. Дидро. 26. Ижора. 27. Окапи. 29. Свет. 30. Рота.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Семья Муслиновых — новоселы микрорайона Олимпийская деревня.
(См. в номере материал «Олимпийский уровень».)
Фото А. Бочинина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Новый легковой автомобиль «Волга» Горьковского автозавода.
(См. в номере материал «И снова — «Волга».)
Фото Н. Добровольского

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 24.10.80. Подписано к печати 12.11.80. А 00451. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2758. Заказ № 3144.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Срочный вызов.

ЧАСОВЫЕ ПОРЯДКА

Б. СОПЕЛЬНЯК, фото И. ГАВРИЛОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

Арго тонко поскуливал и суматошно колотил хвостом. Он хорошо знал: раз привели в дежурную часть, значит будет работа. А его работа — вынюхивание следа, потом погоня и в конце схватка. Чаще всего преступник не сопротивляется, но бывает и так, что он вооружен. Сколько сыскных собак погибло от ножа и пули — не счесть...

Арго косил желтоватым глазом на хозяина и ждал команды «Вперед!», но тот был спокоен и не обращал на Арго никакого внимания. Хозяин сидел и разговаривал с чужим человеком. Чужой — это я, а хозяин — старшина милиции Александр Москвичев.

— Собака у меня седьмой год,— рассказывает Саша.— Родители пообещали: стукнет шестнадцать — купим щенка. Выбирал я сам. Почему-то остановился на абсолютно черной, без единого пятнышка, овчарке. Потом мы вместе учились в школе ДОСААФ, вместе служили на границе и вот уже два года, опять же вместе, работаем в милиции.

— Ну, а задержания или серьезные схватки были?

— Все было. Без Арго я бы не стал «Отличником погранвойск» и «Отличником советской милиции», а эти награды просто так не даются... Товарищ капитан,— обратился Саша к дежурному,— можно погулять по двору, а то Арго совсем извелся?

— Конечно, можно. Если что — кликну.

Был воскресный день. Люди гуляли, спешили по делам, развлекались в парках, ходили по магазинам, а мы сидели в дежурной части Волгоградского управления внутренних дел и ждали вызова. Прошло полдня, а телефон ни разу не зазвонил.

— Всегда бы так,— без тени улыбки сказал старший следователь по особо важным делам майор А. М. Симонов. И дальше с шуткой:— Вы к нам почаще приезжайте — хоть я в приметы и не верю, но чтобы полдня просидеть без дела, такого что-то не припомню.

— Тогда припомните, как стали служить в милиции,— попросил я.

— Ну-у, это длинная история. Я ведь и адвокатом поработал, и юрисконсультом, и народным судьей — это было на Смоленщине, а потом потянуло на родину. Здесь-то и предложили попробовать себя следователем. Попробовал — и не заметил, как пролетело одиннадцать лет.

— А какое дело особенно запомнилось?

— Вы, наверное, ждете рассказа о каком-нибудь убийстве или ограблении инкассатора — такое тоже случалось, но запомнилось совсем свежее дело о гаражном кооперативе «Планета». Целый год копался в накладных, квитанциях, нарядах и расписках, исписал семнадцать толстенных томов — за такой срок, по-моему, столько не напишет самый плодовитый писатель,— и доказал, что пятеро членов правления присвоили сорок тысяч рублей. Любителям сладко пожить за чужой счет пришлось деньги вернуть, а самим отправиться, как говорится, в места не столь отдаленные. Должен признаться, что дела такого рода я особенно люблю. Крупные мошенники и растратчики «работают» так аккуратно, что на первый да и на второй взгляд все шито-крыто, но где-то на автобазе, на складе или в магазине непременно обнаружится какая-то справка с едва заметной подтирочкой или подложной фамилией — и пошло...

— Это точно,— вступает в разговор старший эксперт-криминалист Ю. М. Ромашов.— Уж кто-кто, а я-то знаю: совершить преступление, не оставив никакого следа, просто невозможно.

— Так уж и невозможно?! А перчатки, чужая обувь, угнанный автомобиль, следы, посыпанные табаком...

— Ерунда все это! От хорошего криминалиста не спасут ни перчатки, ни табак, ни прочие хитрости. Вот вам элементарный пример. Полтора года назад в Городищенском районе была совершена серия краж из магазинов. Причем преступники вначале выводили из строя сигнализацию — просто-напросто плоскогубцами перекусывали провода,— а потом спокойно проникали в помещение. Заподозрили одного парня, но улик никаких. Правда, во время обыска изъяли плоскогубцы. А у меня уже была изрядная коллекция кончиков проводов из ранее обворованных магазинов. Так вот, по заметной лишь под микроскопом характерной царапине я установил, что все провода перекушены теми самыми плоскогубцами. Дальше, как говорится, дело техники...

— Плоскогубцы — все-таки улика. А если такой улики нет? Убит, скажем, человек, а вокруг никого и ничего.

— Чтобы ничего, такого не может быть. Все дело в классе криминалиста. Был в моей практике такой случай: в кошаре, расположенной на окраине одного села, были обнаружены два трупа. Выехавшая на место происшествия группа задержала парня с порезанной рукой: дело в том, что те двое отчаянно сопротивлялись. Человеку грозил суд и, как вы понимаете, суровая кара. Для более глубокого расследования я в село выехал. Времени прошло немало, и все же удалось обнаружить новый след: на электрической лампочке мазок крови. Прежде всего оказалось, что и у задержанного и у погибших груп-

па крови совсем другая; парня, естественно, освободили. С помощью новейших исследований мне удалось выявить на мазке след пальца. Заглянул в картотеку, а там точно такой же отпечаток, взятый у матерого рецидивиста. Дальше — опять же дело техники. Когда убийцу задержали, оказалось, что преступление было совершено ночью, и, уходя, он решил вывернуть лампочку, чтобы свет не привлекал внимания прохожих... Нет, если так можно выразиться, бесследных преступлений не бывает,— убежденно закончил Юрий Михайлович.

Время шло, настал вечер, а тревожных звонков так и не было. Воскресный день, вечер и даже ночь прошли спокойно.

На следующий день мы решили не ждать, а отправиться навстречу событиям. В Красноармейском районе работает целая милицейская династия. Иван Егорович Коломейцев уже полковник, заместитель начальника райотдела; старший сын, Геннадий,— лейтенант, участковый инспектор; Валерий — младший сержант, инспектор дорожно-патрульной службы. А пятилетний внук Саша заявил нам, что тоже станет милиционером и будет ездить на желтом мотоцикле.

Когда мужская половина семьи Коломейцевых собралась вместе, мы решили, что погуляем по набережной, заглянем в детский городок с качелями и каруселями («И заодно проведаем мой микрорайон,— сказал Геннадий.— Что-то у меня на душе кошки скребут»). Отец, старый, опытный сыщик (он, кстати, так и сказал, причем с нажимом: «Моя профессия — сыщик. Всю жизнь в угрозыске!»), внимательно посмотрел на сына и заметил: «Непременно заглянем... А ты, Генка, на пятом году службы становишься настоящим милиционером — интуиция в нашем деле дорогого стоит».

Прогулка, к сожалению, была короткой. Геннадия интуиция подвела, чему он был несказанно рад, а вот в соседнем микрорайоне ЧП: в погребе одного дома обнаружена чуть живая старушка. Иван Егорович тут же умчался на место происшествия. И вовремя! Через два часа преступники были задержаны. Ими оказались квартиросъемщики старушки, почему-то решившие, что она сказочно богата.

А потом мы отправились на Волгу... Приехать в Волгоград и не побывать на Волге — это просто невозможно! Здесь-то и показал нам свое хозяйство заместитель начальника линейного отдела милиции А. А. Палеха. Прежде всего я спросил, что такое линейный отдел.

— Это значит, что мы обеспечиваем порядок на судах, пристанях, а также боремся с браконьерами на Волге, Дону и судоходном канале. Короче говоря, в нашем ведении более тысячи километров водных путей, разумеется, в пределах Волгоградской области.

— И что, бывают хорошие уловы?

— Лучше бы их не было! То кража из плавмагазина, то директор ресторана на каком-нибудь теплоходе скупает у браконьеров икру и рыбу, то откуда-нибудь из верховьев удирает по воде рецидивист. Ничего, ловим, задерживаем, уличаем, разоблачаем! Ребята у меня отчаянные, бывало, в одиночку, с веслом в руках выходили против вооруженных браконьеров, так что порядок на реке мы гарантируем.

Пять дней провели мы в Волгограде, знакомились с людьми самых разных милицейских профессий и каждый раз удивлялись их влюбленности в свое дело, безоглядной преданности нелегкой, беспокойной и, что греха таить, не каждому по плечу профессии. Есть в Волгоградской милиции кавалерийское подразделение. О его делах можно было бы рассказывать долго: как ни странно, милиционер на лошади может куда больше, нежели на мотоцикле или автомобиле. Казалось бы, служить в кавалерии — сугубо мужское занятие. Но среди конников есть и девушки. Старший сержант Татьяна Мезенова начала с того, что довольно долго работала конюхом. Чистила денники, скребла и мыла лошадей, а в свободное время потихоньку осваивала премудрости верховой езды. Вскоре она ни в чем не уступала парням, но ее заявления принять на службу в милицию с улыбкой возвращали. Однажды к кавалеристам-милиционерам приехал начальник областного управления внутренних дел генерал-майор К. Д. Иванов. Он увидел, как мастерски Таня управляется с конем, и приказал принять ее в милицию.

Примерно такой же путь прошла и Наташа Пичугина. Служат девушки прекрасно, есть на их счету и задержания преступников, и наградами они не обижены, но главное, они подают хороший пример мужчинам: виданное ли дело, бравому кавалеристу хоть в чем-то быть хуже девчонки, научившейся ездить на лошади?! Вот и стараются парни. Весь город знает: там, где патрулируют кавалеристы, порядок обеспечен.

Позже мы познакомились с сержантами и офицерами, которые служат в ГАИ; побывали в инспекции по делам несовершеннолетних, присутствовали на принятии присяги — это торжество традиционно проходит на Мамаевом кургане у монумента Матери-Родины. Больше всего поразило вот что. В Волгоградской области сорок районных и два городских отдела милиции, и в каждом, я подчеркиваю, в каждом есть свой музей. В таком музее можно увидеть не только знамена, награды и фотографии тех сотрудников, с которых надо брать пример; на стендах — кастеты, ножи, топоры, обрезы, самодельные пистолеты. Теперь это экспонаты. Но ведь для того, чтобы тот же обрез стал экспонатом, кому-то пришлось рисковать, пролить свою кровь, а то и отдать жизнь. Фотографии этих людей и описание их подвигов — тут же. Я видел, как действует посещение таких музеев на молодежь — более наглядного урока мужества нельзя представить.

И еще. Каждый, кто хоть раз бывал в отделах или управлениях милиции, от одной обстановки испытывал некое неуютное ощущение: пустые, гулкие коридоры, фотографии разыскиваемых преступников, вдоль стен казенная мебель — все строго и сурово. Волгоградское областное управление внутренних дел напоминает что угодно, только не милицейское учреждение. Судите сами. Стены одного из коридоров увешаны картинами, и отнюдь не на милицейские сюжеты. Оказывается, волгоградские художники почитают за «честь» выставлять здесь свои полотна: каждые два-три месяца выставка обновляется. На следующем этаже — красочные стенды музеев Волгоградского угрозыска и ОБХСС. Очень поучительные музеи! А как прекрасно выглядят цветные фотографии волгоградских журналистов — эти фотографии время от времени тоже меняются.

Не лишне ли все это? Не отвлекает ли от трудной и суровой службы? Можно ли обойтись без этих выставок и музеев? Наверное, можно... Но я уверен, чего-то очень важного и существенного в жизни часовых порядка тогда бы не хватало, что-то было бы не так — ушла бы теплота, забота и внимание. А им, каждый день заступающим на нелегкую службу по охране общественного порядка, очень важно знать, что о них думают, что их любят.

Волгоград.

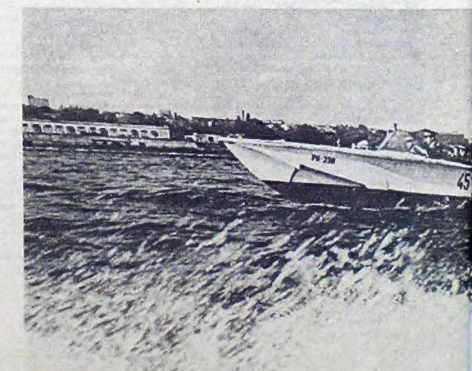

Ночной патруль.

На Регате старший сержант Татьяна Мезенова.

Сегодня солнечный день. Но и ночью, в дождь и туман выходят в патрулирование по Волге быстроходные милицейские катера.

Трудный разговор. Участковый инспектор А. В. Сучков со своими подшефными.

Старший эксперт-криминалист Ю. М. Ромашов должен ответить на вопрос: ключом или гвоздем был открыт этот замок!

На дежурстве делегат XVIII съезда ВЛКСМ капитан С. Д. Назаров.

Начальник Волгоградского областного управления внутренних дел генерал-майор К. Д. Иванов поздравляет с принятием присяги бывшего подручного сталевара, а ныне лейтенанта милиции В. Ф. Климова.

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663